

18+

Сергей Зимирев

*Воин революции
М. Н. Тухачевский*

Сергей Зимирев

**Воин революции
М. Н. Тухачевский**

«Издательские решения»

Зимирев С.

Воин революции М. Н. Тухачевский / С. Зимирев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691453-7

В начале Великой Отечественной войны в 1941 году Советский Союз понес значительные потери: в германский плен попало 3,8 млн. советских военнослужащих, и еще полмиллиона погибли в ходе сражений. Накануне войны Сталин жестоко расправился с военной элитой страны, подозревая военачальников в измене Родине. Наиболее значительной личностью среди поверженных «врагов» советской власти в результате тайной спецоперации, вошедшей в историю под названием «Дело военных 1937», был маршал М. Н. Тухачевский.

ISBN 978-5-00-691453-7

© Зимирев С.
© Издательские решения

Содержание

*** Пролог ***	6
Детство М. Н. Тухачевского	12
*** Переезд во Вражское ***	14
*** 10 Московская гимназия ***	18
*** Кадетский корпус ***	20
*** военное училище ***	26
*** На фронт ***	33
*** Первый бой семеновцев ***	44
*** Первая награда ***	50
*** Последний бой ***	56
*** Плен ***	57
*** Возвращение ***	64
*** Выбор ***	72
*** Борьба с белочехами ***	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Воин революции М. Н. Тухачевский

Сергей Зимирев

© Сергей Зимирев, 2026

ISBN 978-5-0069-1453-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*** Пролог ***

Желаем мы того или нет, но многое в нашей жизни зависит от первых лиц государства. Их вкусы, их желания и личные амбиции сказываются на политических решениях, от которых порой зависит жизнь каждого из нас. Если вы не занимаетесь политикой, то это не значит, что в ответ политики откажутся заниматься вашей судьбой. Это произойдет даже помимо вашей и их воли: посредством принятия ими политических решений и их реализации на практике.

Наиболее ярко роль политиков в жизни рядовых граждан проявляется в годы войны. В это время как никогда прежде судьба каждого из нас зависит от деятельности политических лидеров государств.

22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз. Продвижение немецких войск было столь стремительно, а военные потери Красной армии столь значительны, что крупные политики Англии и США полагали, что СССР постигнет участь Польши и Франции в ближайшие месяцы войны, и не видели смысла в оказании помощи русским. Более того, в случае скорого поражения Советского Союза, направленные ему грузы могли быть захвачены германскими войсками и направлены на войну с Англией и США.

Долгие годы после Великой Отечественной войны многие советские граждане недоумевали, как могло произойти, что Красная армия во главе с великим Сталиным не смогла организовать достойный отпор агрессору, почему враг стремительно продвигался вглубь страны и был очень близок к захвату Ленинграда и Москвы, почему в начале 1941 года погибла целая армия: в германский плен попало 3,8 млн. советских военнослужащих, и еще полмиллиона погибли в ходе сражений?

О состоянии вооружения ярче всех официальных сводок говорит плакат осени 1941—ого: «Товарищ! Вступай в ряды народного ополчения. Винтовку добудешь в бою». На 30 ополченцев в сентябре 1941 г. приходилась одна винтовка, так как из 8 миллионов винтовок, имевшихся накануне войны у СССР, 6 миллионов, хранящиеся на складах прифронтовых округов, вместе с боеприпасами достались врагу в первые месяцы войны.

Советская пропаганда объясняла такую ситуацию тем, что нападение Германии было тщательно подготовлено, что агрессия была совершена вероломно, внезапно; Советский Союз не готовился к войне, мирно созидал, вёл миролюбивую политику, несмотря на войну с Финляндией и Японией, несмотря на ввод войск в Прибалтику, Бессарабию и Польшу. Однако позднее стало известно, что 21 июня 1941 года посол Германии в СССР Шуленбург пытался встретиться с Молотовым и вручить ему ноту об объявлении войны. В то же время Молотов, зная о характере этой встречи, уклонился от неё.

Одновременно, в ночь на 22 июня посла СССР в Германии Деканозова вызвали к министру иностранных дел Германии Риббентропу, который от имени Германии объявил войну СССР.

Сталину были известны сведения, собранные советской разведкой, о чрезмерной концентрации германских войск на границе с Советским Союзом, послания Черчилля, донесения антифашистов Красной капеллы, разведчика Зорге и перебежчиков о начале войны с Германией, но он, «обладая даром предвидения» и уверовав в своё божественное предназначение, свою путеводную звезду, которая привела его на вершину власти, верил только самому себе, своим взглядам на мировые процессы.

В то же время подобранные Сталиным кадры в руководители спецслужб – Л. Берия, В. Абакумов и другие, – по профессиональным качествам оказались не способны должным образом организовать работу по сбору достоверной информации. Работая в атмосфере постоянного страха за свою жизнь, они не смогли отличить правду от дезинформации со стороны Германии, провести объективный анализ с большим трудом добытых данных. Деморализованные культом

вождя, они боялись открыть рот, чтобы изложить известные и неоспоримые факты подготовки Германии к войне с СССР, ставящие под сомнение точку зрения Сталина, который не верил, что Германия решится воевать на два фронта, и только подобострастно поддакивали тирану.

Стоит ли ворошить старое? Кому-то это не нравится, но я думаю, что сделать это стоит обязательно, ведь историческая правда и переосмысленный опыт способны уберечь от прежних ошибок и найти верные решения в сложных ситуациях. Это нужно и мертвым, чтобы обелить их в глазах общества, и это нужно живым, чтобы они узнали правду и стремились бороться за нее, зная, что она в конечном итоге восторжествует.

Сообщение о начале войны 22 июня 1941 года гражданам Советского Союза сделал не Сталин и не Левитан от имени Советского правительства, а Вячеслав Молотов. Сталин доверил ему эту миссию не случайно, а в наказание за злую шутку, которая способствовала появлению у Сталина убежденности, что у Германии дела в войне с Британией совсем плохи, и она не решится воевать на два фронта одновременно. Во время встречи с Риббентропом 13 ноября 1940 года, происходящей при налете на Берлин британских бомбардировщиков, на сообщение министра иностранных дел Германии о непобедимой мощи Третьего рейха и близкой развязке войны с Англией, В. Молотов иронизировал: «Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом убежище? И чьи это бомбы падают так близко, что разрывы их слышатся даже здесь?» О своей остроумной шутке он рассказал Сталину и того это сильно позабавило. Получая очередную информацию о готовящемся нападении Германии на СССР, он вспоминал находчивого Молотова, высмеивающего немцев, которым оказались не зубам британцы.

Почему же Гитлер решил напасть на Советский Союз и воевать на два фронта? В своей книге «Моя борьба» он не скрывал, что для расширения жизненного пространства Германия под его руководством двинет свои войска на Восток, захватит Украину и бакинскую нефть.

Советский Союз вызывал у Гитлера особую ненависть, так как, воспользовавшись экономическим кризисом в Германии в 1923 году, большевики готовили там социалистическую революцию. С этой целью в Германию направлялись денежные средства, политические и военные советники. Однако немецкому правительству удалось раскрыть тайную деятельность советских властей (в частности, были перехвачены и расшифрованы радиопереговоры немецких коммунистов и их инструкторов из Советской России) и жестоко подавить с помощью националистов силы революционеров.

Адольф Гитлер, планируя очередное нападение, каждый раз дожидался от шефа военной разведки Канариса доклада, что для организации успешного военного вторжения на территорию противника проведена должная подготовительная подрывная работа, ослабляющая его экономическую и военную мощь. Собираясь напасть на Советский Союз в начале мая 1941 года, Гитлер из-за затянувшихся военных действий в Греции и Болгарии был вынужден военную кампанию против СССР отодвинуть на июнь.

Еще ранее, в 1936 году, после вмешательства СССР в военный конфликт республиканцев с фашистами в Испании, глава спецслужб Германии Гейдрих получил задание от Гитлера ускорить оперативные меры по ослаблению военной и экономической мощи Советского государства. С этой целью Гейдрихом была подготовлена секретная операция по уничтожению военной элиты и передовой интеллигенции СССР. В этой работе фашисты широко опирались на контрреволюционные элементы, оставшиеся в стране после Гражданской войны. Активно задействовав своих агентов в России, немецкие спецслужбы развернули в Советском Союзе деятельность по уничтожению лучших военных кадров, специалистов промышленности и науки.

Используя политические противоречия внутри СССР, немецкая разведка спровоцировала сталинскую группировку на активную борьбу за абсолютную власть. В западной прессе систематически появлялись статьи, где постоянно муссировалась подготовленная немецкими политологами тема политического противостояния Сталина и Троцкого.

Верные Сталину люди периодически докладывали, что Троцкий в своих выступлениях неоднократно заявляет о «недовольстве военных диктатором Сталина и ставит на повестку дня их возможное выступление». В своей последней работе «Преданная революция» он призывал коммунистов России совершить государственный переворот, а также предположил, что, если Германия развяжет войну против СССР, Сталину не избежать поражения.

Эта информация заставила Сталина опасаться заговора против него со стороны командиров Красной армии.

В кругах западных дипломатов навязчиво смаковалась тема возможного реванша Троцкого. Всем была известна его кипучая деятельность, когда он руководил захватом власти большевиками во время октябрьских событий 1917 года в Петрограде. Его организаторские способности давали повод к его политическому возрождению, что постоянно держало Сталина в напряжении, внушая ему боязнь быть свергнутым. Полученная неограниченная власть опьянила его, и теперь он боялся ее потерять, опасаясь предательства даже ближайших соратников.

В результате тайной операции, вошедшей в историю под названием «Дело военных 1937 года», выдвиненцы Ежова жестоко и беспринципно расправились с военной элитой страны. Наиболее значительной личностью среди поверженных врагов Германии был маршал М. Н. Тухачевский. Он публично обличал власти Германии в подготовке к войне с Советским Союзом и активно занимался усилением Красной армии. Под стать ему были И. Э. Якир и И. П. Уборевич – командующие Киевским и Белорусским военными округами, разделившие судьбу маршала. Вместе с ними по одному сфабрикованному НКВД делу были казнены еще пять героев Гражданской войны: основатель червленого казачества В. М. Примаков, военный атташе Советский России в Англии В. К. Путна, руководитель Осавиахима Р. П. Эйдеман, начальник академии генштаба РККА А. И. Корк и заместитель командующего Московским военным округом Б. М. Фельдман.

Благодаря Ворошилову, Ежову и его подручным грамотных военачальников в СССР, которые могли достойно противостоять Кейтелю, Манштейну и Гудериану, становилось все меньше.

Эти люди погибли не на поле боя, а в подвалах Лубянки и других тюрьмах страны, а также в «трудовых» концлагерях. Точных данных на этот счет нет, по различным источникам оценивается, что погибло от 25 до 30 тысяч кадровых командиров и военно-политических работников Красной армии и флота. Достоверно известно, что из состава 1935 года во время террора погибли: из 16 командармов 1-го и 2-го ранга – 15, из 67 комкоров – 60, из 199 комдивов репрессировано 136, из 397 комбригов – 221. Из четырех флагманов флота погибло четверо, из шести флагманов 1-го ранга – шестеро, из 15 флагманов 2-го ранга – девять. Погибли все 17 армейских комиссаров 1-го и 2-го ранга, а также 25 из 29 корпусных комиссаров. Из 97 дивизионных комиссаров было арестовано 79, из 36 бригадных комиссаров – 34. Была арестована третья часть военкомов полков.

В дневниках Геббельса есть записи о «бойне в Москве», учиненной «большим советским руководством». Когда Гитлер узнал о «раскрытии» в СССР «военно-фашистского заговора» в Красной армии, то смеялся до слез, а упокоившись, сообщил своим соратникам многозначительно, что «теперь мы должны быть готовы».

Начальник германского генштаба генерал фон Бек, оценивая военное положение Красной армии летом 1938 года, сказал, что с русской армией можно не считаться как с вооруженной силой, так как кровавые репрессии подорвали ее моральный дух, лишили ее умелого руководства и превратили в неповоротливую махину, едва ли способную сопротивляться.

С июля 1940 года Германия стала сосредотачивать на границе с СССР значительные силы, явно излишние только для ее охраны. К маю 1941 на границе с Советским Союзом Гитлер сосредоточил около 100 дивизий, тысячи танков и самолетов, около 4 млн. человек, что нельзя было скрыть. Сталин знал об этом и даже обсуждал данную тему с Гитлером по теле-

фону, но легко повелся на уловки последнего, который сообщил, что тот концентрирует войска на границе с СССР, чтобы сбить с толку англичан, а на самом деле таким образом тайно готовит их к нападению на Англию.

Ответные меры Советский Союз начал предпринимать только со значительным опозданием, с мая 1941 года, планируя перебросить в западные округа 70 дивизий (900 тыс. человек) с Урала и Дальнего Востока, успев к началу войны передислоцировать только 16 дивизий (200 тыс. бойцов).

Несмотря на некоторый перевес в численности вооружения, Красная армия уступала подступившему к ее границам противнику в самом главном – в командном составе, способном умело руководить войсками. К лету 1941 года около 75% командиров и 70% политработников Красной армии служили на своих должностях не более одного года, многие в первые и самые сложные дни Отечественной войны не способны были как следует руководить войсками. Так, из 225 командиров полков ни один не имел академического образования, только 25 окончили военные училища и 200 – курсы младших лейтенантов!

Катастрофичность происходящего была очевидна многим членам сталинского Военного совета уже в 1938 году. Смелость признать это хотя бы в дискуссии была чревата подозрениями в неблагонадежности.

Дыбенко (Ленинградский ВО): «Частью дивизий командуют сейчас бывшие майоры, на танковых бригадах сидят бывшие капитаны».

Куйбышев (Закавказский ВО): «У нас округ обескровлен очень сильно».

Ворошилов: «Не больше, чем у других».

Куйбышев: «А вот я вам приведу факты. На сегодня у нас тремя дивизиями командуют капитаны. Но дело не в звании, а дело в том, товарищ народный комиссар, что, скажем, армянской дивизией командует капитан, который до этого не командовал не только полком, но и батальоном, он командовал только батареей».

Ворошилов: «Зачем же Вы его поставили?»

Куйбышев: «Почему мы его назначили? Я заверяю, товарищ народный комиссар, что лучшего мы не нашли. У нас азербайджанской дивизией командует майор. Он до этого не командовал ни полком, ни батальоном и в течение шести лет являлся преподавателем училища».

Буденный: «За год можно подучить...»

...Дыбенко расстреляли несколько месяцев спустя, когда Ворошилов «разглядел» в бывшем революционном матросе Кронштадта наемника германских фашистов.

Не завершив войну против Великобритании, Гитлер не стал дожидаться, когда СССР в полный рост подготовится к войне – восстановит командный состав Красной армии и перевооружит ее новейшим оружием. Он знал, что в обмен на сырье Советский Союз закупает в Германии станки и вооружение для укрепления своего военно-промышленного потенциала.

На момент начала агрессии против СССР Германия даже не имела количественного перевеса над противником в военной технике. Она смогла сосредоточить только 3909 самолетов, против 10 743, имевшихся в западных военных округах у Красной армии; танков – 4408, против 15 687 у противника; орудий и минометов – 43 812, против 59 787. Противовес в вооружении был явно на стороне СССР, но это не смутило Гитлера, так как отсутствие опытного командного состава, который смог бы привести всю эту плохо обученную махину в организованное движение, у Красной армии не было.

Таким образом, главным мотивом, толкнувшим Гитлера к войне, стала его уверенность в том, что противник, потеряв в 1937—1938 годах основной офицерский состав, не сможет в ближайшее время организовать достойное сопротивление и, не дожидаясь разгрома Британии, начал войну на втором фронте против Советского Союза.

Если бы СССР не лишился героев Гражданской войны во главе с самым талантливым полководцем М. Н. Тухачевским, то начало Великой отечественной войны не имело бы таких

катастрофических последствий для Советского Союза. Политикам, как шахматистам, следует делать правильные ходы и принимать верные решения. Слабые, неверные шаги и решения политика ведут к поражению целую страну.

В. И. Ленин признавал, что без военных специалистов бывшей царской армии, одним из которых был Тухачевский, большевикам не удалось бы победить в Гражданской войне. В одной из своих работ он писал: «Если бы мы не взяли их на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать армию... И только при их помощи Красная армия смогла одержать те победы, которые она одержала... Без них Красной армии не было бы... Когда без них пробовали создать Красную армию, то получалась партизанщина, разброд, получалось то, что мы имели 10—12 миллионов штыков, но ни одной дивизии, ни одной годной к войне дивизии не было, и мы не способны были миллионами штыков бороться с ничтожной регулярной армией белых».

На Западе М. Н. Тухачевский получил прозвище «советского Бонапарта». К концу своей боевой деятельности в Русской императорской армии Тухачевский пришел признанным героем. За полгода он получил 6 боевых наград, причем все награды за подлинные доблести, а не за присутствие на войне. Среди них ордена Анны IV степени с надписью «За храбрость», III степени с мечами и бантом, II степени с мечами; Станислава III степени с мечами и бантом и II степени с мечами; Владимира IV степени с мечами и бантом.

Во время Гражданской войны В. И. Ленин направлял его на самые ответственные участки. Он был организатором создания профессиональной Красной армии, командовал созданной им 1-ой армией Восточного фронта против контрреволюционных сил в Поволжье. По его инициативе к службе в Красной армии в первый год ее становления было привлечено около 8 тысяч кадровых военных бывшей царской армии. Он руководил операциями по разгрому армий белочехов, Колчака, Деникина, стоял во главе войск, подавивших Кронштадтский мятеж и восстание эсера Антонова на Тамбовщине. Белогвардейцы, получив информацию о его прибытии на их фронт, впадали в панику. Только громадные усилия стран Антанты спасли Польшу от неминуемого разгрома в 1920 году, когда войска Восточного фронта Красной армии, руководимые Тухачевским, подошли к Варшаве с Запада, отрезая полякам военные поставки Антанты с Балтики. Не получив должных подкреплений от Южной группировки Красной армии, войска Тухачевского оказались отрезанными хорошо вооруженными и экипированными войсками Пилсудского с французским командным корпусом.

Некоторые историки и публицисты вообще отказывают Тухачевскому в каких-либо полководческих способностях и считают, что расстрел маршала и его товарищей, независимо от справедливости предъявленных обвинений, явился благом для Красной армии, поскольку расчистил путь к высшим должностям Жукову, Рокоссовскому, Коневу, Василевскому и другим генералам и маршалам, показавшим свой полководческий талант в Великой Отечественной войне. Однако Германская армия, покорившая большую часть Европы к 1941 году, имела весь высший офицерский состав с командным опытом Первой мировой войны.

Следует отметить, что Тухачевский по праву считается одним из крупнейших зачинателей военно-научных работ в Красной армии. Он является автором около 120 работ по вопросам стратегии, оперативного искусства, тактики, воспитания и обучения войск.

Тухачевский был одним из инициаторов издания и редактором «Советской военной энциклопедии», принимал активное участие в подготовке трехтомного издания «Гражданская война 1918—1921 гг.» Он неустанно призывал командные кадры изучать военное дело всех времен и народов. В 1919 году Тухачевский организовал во время условий непрекращающихся боевых действий на Восточном фронте курсы штабных и строевых командиров, где лично прочитал курс лекций по вопросам военного искусства. Отправлять в бой совсем неопытных людей, делать из них и их подчиненных пушечное мясо, казалось ему дикостью.

Обладая обширными знаниями в военной области, Михаил Николаевич тонко чувствовал мировые тенденции развития военной тактики и вооружения. Заняв важный пост заместителя наркома по вооружению в 1931 году, Михаил Николаевич сразу энергично взялся за создание новейших образцов военной техники и перевооружение РККА более совершенным оружием. Будущие войны он называл войнами моторов и разрабатывал тактику применения танков, самолетов, военных кораблей и средств радиосвязи. Большой интерес Тухачевский проявлял к созданию ракетного оружия. Именно он стоял у истоков создания в Красной армии воздушно-десантных войск и радиолокационной разведки.

Видимо, разглашение сведений об уничтожении военных кадров РККА накануне войны до сих пор очень неприятная и нежелательная тема для сохранивших свое влияние в стране родственников политического руководства и сотрудников спецслужб. Анализ открываемых спецслужбами документов и их состояние говорит, что скорей всего, в свое время неудобные властям документы подверглись подтасовке и изъятию из архивов. Например, исчезла красная папка с документами, свидетельствующими о сотрудничестве М. Н. Тухачевского с германскими военными, о существовании которой упоминают в свих воспоминаниях сотрудники германских и чехословацких спецслужб. Так или иначе, но тема наличия в Красной армии в 1937 году заговора или же его отсутствия до настоящего времени не раскрыта достаточно убедительно.

Чтобы ответить на вопрос, существовал ли заговор военных или же расправой над высшим командным составом Красной армии во главе с Тухачевским стала иная причина, написана эта книга. На мой взгляд, ответ даст анализ жизненного пути маршала Тухачевского.

Детство М. Н. Тухачевского

Михаил Николаевич Тухачевский родился в Москве. В метрической книге Московской Феодоро—Студитской (Смоленской иконы Божией Матери) за Никитскими воротами церкви, за тысяча восемьсот девяносто третий год, в части первой о родившихся, имеется запись о том, что Михаил Николаевич родился 3 февраля 1893 года, крещен 5 марта того же года; вероисповедания православного. Интересен факт, что церковь, где крестили Михаила Тухачевского, была известна тем, что ее прихожанином был знаменитый полководец А. В. Суворов, и в ней были захоронены родные генералиссимуса.

Отец маршала Николай Николаевич Тухачевский происходил из старого дворянского рода. Многие его предки служили в лейб-гвардии Семеновском полку. Со дня его основания в потешном семеновском войске служил его дальний предок Михаил Артамонович Тухачевский. В составе Семеновского полка Тухачевские участвовали и в знаменитой Полтавской битве.

Прадед маршала Александр Николаевич Тухачевский проходил воинскую службу офицером в лейб-гвардии Семеновском полку с 1811 г., участвовал в Отечественной войне 1812 г., в Бородинском сражении и в заграничных походах русской армии 1813—1814 годов. Дослужившись до командира роты и получив чин капитана к 1820 году после расформирования «старого Семеновского полка» был переведен в Галицкий пехотный полк подполковником. В 1831 году он погиб во время «польского похода» фельдмаршала Паскевича.

А. Н. Тухачевский был женат на сестре своего однополчанина тоже семеновца Пьетро Липранди, сына итальянского иммигранта из Генуи.

Его сын, дед Михаила, Николай Александрович Тухачевский получил образование в Пажеском корпусе – самом престижном военном учебном заведении России, однако неспособный к военной службе по состоянию здоровья был вылуцен с чином губернского секретаря. В 1847 г. он был уволен с государственной службы и в последующие годы занимал выборные должности мирового судьи, уездного предводителя дворянства в Орловской губернии. Он женился на Софье Валентиновне Гаспарини дочери Орловского дворянина-помещика Валентина Петровича Гаспарини, или, на русский манер, «Гаспарина» – так часто его именовали в канцелярских документах Орловской губернии. Жизнь Николая Александровича неожиданно оборвалась в 1876 г. в 51 год. Воспитание несовершеннолетних детей легло на плечи его жены Софьи Валентиновны Тухачевской, урожденной Гаспарини.

Прадед Михаила Тухачевского по материнской линии Валентин Гаспарини 1785 г/р рождения, бывший австрийский подданный, уроженец г. Триеста, из дворян, оказался в России в составе наполеоновской Великой Армии в 1812 г., был ранен под Смоленском и взят в плен. В декабре 1812 г. – сентябре 1813 г. в г. Орле, где он содержался в плену, формировался легион из бывших военнослужащих военнопленных наполеоновской армии. 27 бывших офицеров (французов, итальянцев, голландцев) и среди них Валентин Гаспарини пожелали вступить в подданство Всероссийского Престола. В чине капитана 2 августа 1813 года его отправили служить в Тифлисский пехотный полк, где командиром полка был выходец из Италии генерал-майор Дельпоццо.

После увольнения в 1817 году с военной службы В. П. Гаспарини поступил на «статскую», к 1835 г. достиг чина коллежского советника («гражданского полковника»). Он женился на орловской дворянке, в браке с которой имел 9 детей, в том числе 2 сыновей и 7 дочерей. Его 6-й дочерью была бабушка маршала Софья Валентиновна.

Раннее детство Михаила Николаевича связано с родовым имением Александровское Дорогобужского уезда Смоленской губернии, где семья жила с ранней весны до поздней осени. К концу 90-х годов 19 века в помещичьем имении осталось 200 гектар не слишком плодород-

ной земли. Хозяйством не очень умело руководила мать Николая Николаевича Тухачевского Софья Валентиновна. У нее в услужении находилась крестьянка из ближнего села Княжино Мавра Петровна Милехова.

Мавра едва умела писать, но была красавицей и от природы очень жизнерадостной и умной девушкой, так что Николай Николаевич легко влюбился в нее. Девушка ответила ему взаимностью и вне брака стали рождаться дети.

Кроме Михаила, вне брака, родились его старшие брат Николай (1890) и сестра Надежда (1892), а также брат Александр (1895).

Несмотря на то, что женитьба на крестьянке закрывала Николаю Николаевичу путь в светское общество, мешала получить особо доходное место из выборных должностей в дворянском собрании, его любовь к Мавре и привязанность к детям оказалась сильнее светских условностей, и он сообщил матери о своем решении обвенчаться с Маврой.

Софья Валентиновна имела прогрессивные взгляды и согласилась с решением сына породниться с семьей бедного крестьянина Петра Прохоровича Милехова, у которого, кроме Мавры, было еще четыре дочери.

Так как родители Михаила Тухачевского обвенчались только в 1896 году, то только через три года после рождения на Михаила выдадут свидетельство о рождении – на основании определения Смоленского окружного суда (как незаконнорожденному), и только 31 июля 1901 г. в Смоленске юного Михаила причислят к дворянскому роду его отца Николая Николаевича Тухачевского.

Имение Тухачевских Александровское было не очень доходным. Ситуация была усугублена тем, что глава семьи Николай Николаевич не особо помогал матери Софье Валентиновне в ведении хозяйства, зато любил подолгу играть на рояле, много читал, обожал лошадей, бега и скачки, карты и наделал много долгов, так что имение несколько раз закладывалось и переклаивалось. Кроме того, от природы он был человеком мягким и не мог пойти на жесткие меры, чтобы собрать недоимки со своих арендаторов земли – безземельных крестьян, чтобы понемногу выправить ситуацию.

Несмотря на расточительный образ жизни, Николай Николаевич не выносил пьянства, за обедом никогда не подавалось вино, и даже рюмок не было в доме. Кроме того, он привил детям интерес к книгам.

Однако самое большое влияние на воспитание Михаила оказала его бабушка Софья Валентиновна, находившая время и на внуков. Она была прекрасной пианисткой, в юности училась у известного музыканта и композитора Антона Рубинштейна, любила играть произведения Бетховена, Листа, Моцарта. В молодости она вращалась среди представителей творческой элиты. Во Франции она близко познакомилась с великим Шопеном и полюбила его музыку. Кроме того Софья Валентиновна была близко знакома с известными писателями Жорж Санд и И. С. Тургеневым, для которого была прототипом героини его рассказа «Вечер в Сорренто». В Москве она посещала музыкальный кружок его возлюбленной Полины Виардо.

Она привила любовь к музыке и музыкальный вкус своему сыну Николаю Николаевичу, прекрасно игравшему на рояле, часто музицировала с ним в четыре руки на рояле.

Под ее влиянием братья маршала – Николай, Александр и Игорь – стали профессиональными музыкантами, получив образование в Московской консерватории.

Михаил тоже питал большую страсть к музыке, но делил её с тягой к военному делу, что было связано с рассказами бабушки о военных доблестях его предков.

***** Переезд во Вражское *****

В 1898 году Тухачевским пришлось за долги продать имение Александровское, и они переехали в имение близ села Вражского в Чембарском уезде Пензенской губернии, где у Тухачевских поначалу было более тысячи десятин земли. Семья обосновалась на хуторе, расположенном в трех километрах от села Вражского, в одноэтажном деревянном доме с пятью жилыми комнатами.

По соседству недалеко от Вражского проживал дядя Николая Николаевича, генерал-майор Михаил Александрович Тухачевский, на которого могла опереться многодетная семья в трудную минуту.

Пензенский край имел литературную славу: в девятнадцати километрах от Вражского находилось имение бабушки Михаила Лермонтова – Тарханы, где в склепе покоилось тело поэта; в уездном городе Чембаре учился Григорий Белинский, а в Пензе нес гражданскую службу Салтыков-Щедрин. В среде местной интеллигенции край назывался «мордовскими Афинами».

Будущий маршал был необыкновенно подвижным и живым ребёнком, не знавшим усталости и выдумки и шалости. Никакие наказания не могли испортить ему настроение. Охотнее и чаще всего, как все мальчишки, он играл в войну и очень любил бороться. Несмотря на горячность, никогда не старался отомстить обидчику. И уж ни в коем случае не жаловался. Мальчишка отличала удивительная доброта, неиссякаемая потребность кому-нибудь помочь, за кого-нибудь заступиться.

Михаил очень рано стал проявлять интерес к воинской службе. Рядом земель по соседству с имением Тухачевских ранее владел генералиссимус А. В. Суворов. Его бывшие крепостные крестьяне очень гордились своей принадлежностью к великому полководцу, называли себя истинными «суворовцами», распространяли о нем легенды, что способствовало почитанию культа военных в этих местах. Будущего маршала увлекали рассказы о походах и сражениях великих полководцев. С детства у него была любовь к военным, будь то солдат, пришедший на вольные работы, или заехавший в гости исправник, важно было, чтобы человек был в военной форме. Когда в гости к Тухачевским приезжал двоюродный брат Николая Николаевича полковник М. Н. Балкашин в форме офицера Русской императорской армии, он буквально с порога наскакивал на него и обнимал, тут же завладевал его шашкой и фуражкой. Он заставлял дядю рассказывать разные героические эпизоды из войн, где принимала участие русская армия, про подвиги русских солдат и офицеров. Русскую военную историю он знал превосходно, преклонялся перед Петром Великим, Суворовым и Скобелевым. Особенно Михаил любил гостить у своего двоюродного деда генерала Михаила Александровича, выше авторитета которого не признавал.

Под влиянием отца Михаил рано научился читать и читал много, запоем. Во Вражском была большая библиотека. Его увлекала военная тематика: «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря, «История генералиссимуса князя Суворова» Фукса и «Генералиссимус князь Суворов» Петрушевского, биографии Кутузова и Багратиона, походы Ганнибала. Став постарше, он уже зачитывался историей покорения Кавказа во времена Ермолова и Паскевича, трудами известного немецкого теоретика 19-го века Карла фон Клаузевица.

Мечтая стать военным, мальчик стал настойчиво воспитывать в себе смелость и решительность, старался всё делать самостоятельно. Михаил овладел искусством верховой езды, которая осталась для него любимым развлечением. Постарше он стал заниматься с гириями, вырабатывать в себе силу и выносливость, любил бороться и редко кто из сверстников мог побороть его.

Глава семейства был убежденным атеистом и в духе непримиримости к религии воспитывал своих детей. Самым воинственным безбожником рос Михаил. Он выдумывал всевозможные антирелигиозные истории, чем часто обижал мать и живущую у них доме набожную домработницу и портниху Полину Дмитриевну.

Однажды после нескольких безуспешных замечаний по поводу антирелигиозных высказываний сына, рассердившись не на шутку, Мавра Петровна вылила на голову Мише чашку холодного чая. Тот вытерся, весело рассмеялся, и продолжил как ни в чем не бывало свой рассказ.

Во Вражском семья еще больше выросла: здесь у Михаила родились брат Игорь (1900) и три сестры: Софья (1901), Ольга (1903) и Елизавета (1905). Всего же у Николая Николаевича и Мавры Петровны было 9 детей: четыре сына и пять дочерей.

Однако и на новом месте глава семьи Николай Николаевич был столь же нерасчетлив в отношениях с крестьянами-арендаторами, как и в Александровском, поэтому Тухачевские едва сводили концы с концами, постоянно испытывая острую нехватку денег.

Вскоре из Вражского семья переехала в Пензу. В 1904 году в 11 лет Михаил поступил в 1-ю Пензенскую гимназию. Его сверстники учились во втором, а то и в третьем классе.

В конце XIX – начале XX века благодаря достижениям русских атлетов большой интерес у мальчишек вызывала французская борьба. Как раз в эти годы начались выступления борцов в цирках многих городов России, в том числе и в Пензе. Гимназисты, подражая борцам, называли себя именем того или иного борца, устраивали свои чемпионаты по борьбе. Михаил, будучи старше и выше всех одноклассников, выступал под именем Поддубного и по силе значительно превосходил каждого из них, при этом даже редко кто из одноклассников мог побороть его.

Весть о начале Русско-японской войны всколыхнула провинциальное общество. Все жители живо интересовались известиями с фронта, а они не очень радовали.

Январские события 1905 года в Санкт-Петербурге, когда в ходе демонстрации погибло больше тысячи человек и ранено около шести тысяч, еще больше всколыхнули общество. Царская власть резко потеряла авторитет в народе.

Скоротечное поражение русской армии в Русско-японской войне вызвало бурю негодования. Население было разочаровано военным руководством русской армии и царем, гибель «Варяга» оплакивала вся страна.

Не очень хорошо шли дела и у братьев Николая и Михаила Тухачевских в гимназии. По всем предметам тройки, а по некоторым и двойки с осенней пересдачей. Положительные оценки только по одному предмету – французскому языку, благодаря бабушке, хорошо знавшей несколько иностранных языков. Кроме этого, братья часто пропускали занятия. Во втором классе Михаил пропустил 127 уроков, в третьем – 193, в четвертом – 149! В 1907/1908 учебном году Михаил Тухачевский вообще не посещал гимназию в Пензе. Это было связано с материальными трудностями большой семьи, где на руках у матери было восемь детей в возрасте от 2 до 18 лет, которые часто болели. Вернувшись к учебе через год, он попал в класс к малолеткам (12 лет), учиться с которыми способному парню в 15 лет, видевшему в себе внешнее сходство с Наполеоном и снимавшемуся в его излюбленной позе со скрещенными руками, было уже оскорбительно.

Революционные события 1905—1907 годов, охватившие Пензу и многие уезды губернии, оказали сильное влияние на формирование личности Михаила Тухачевского. Общество ждало революционных перемен.

Уже весной 1905 года к забастовкам пензенских железнодорожников присоединились учащиеся практически всех учебных заведений города: землемерного училища, духовной семинарии, художественной школы, реального училища, женских и мужских гимназий. Они

срывали занятия, устраивали протестные акции, выдвигали требования о демократизации педагогического процесса.

Город и губерния были охвачены страшными террористическими актами, которые совершались вчерашними учениками. В январе 1906 г. в Пензе были убиты генерал-лейтенант Лисовский и полицмейстер Кандауров, в январе 1907 г. на выходе из театра был застрелен губернатор Александровский, в мае этого же года юные эсеры совершают убийство ректора духовной семинарии, архимандрита Николая. В окрестностях Пензы часто горели дворянские усадьбы.

По окончании 4 учебного года руководство гимназии просило Николая Николаевича Тухачевского забрать сыновей Николая и Михаила из учебного заведения по причине их плохой учебы и недостойного поведения Михаила, вступившего в открытый конфликт с директором гимназии Беляевым Николаем Александровичем.

12 мая 1909 года перед началом занятий во время утренней молитвы он столкнулся в коридоре с директором гимназии. Тот поинтересовался: почему Михаил опоздал на молитву? В ответ Тухачевский, не останавливаясь, на ходу ответил: «Проспал!».

За непочтительный ответ директор потребовал, чтобы Тухачевский в наказание за грубость был поставлен к стенке, но Михаил к стенке не встал, заявив, что он не мальчишка, а потому не станет к стенке.

При дальнейшем разбирательстве директор узнал, что Тухачевский ни разу не причащался и не был на исповеди. Отца вызвали в школу, потребовали воздействовать на сына. В результате Михаил все-таки причастился и исповедался, но учиться в пензенской гимназии ему стало невыносимо из-за того, что его стали доносить частыми вопросами на уроках по Закону Божьему. Из-за сложившейся репутации воинствующего атеиста его могли в любой момент исключить, дав нелестную характеристику, с которой ему сложно было бы поступить в другое учебное заведение.

На семейном совете Николай Николаевич решил, что подобный конфликт в гимназии, где основным предметом является Закон Божий, нельзя было заглаживать, и решил, что детям следует продолжить образование в Москве, не без основания полагая, что в гимназиях в Первопрестольной более прогрессивные педагоги и дают образование более высокого уровня, чем в Пензе.

Михаил попросил отдать его в кадетский корпус, но отец был против. К военным Николай Николаевич относился прохладно и не одобрял подобного влечения сына. Поражение царской России в Русско-японской войне взволновало и потрясло российское общество. Не было дома, в котором не говорили бы о бездарности генералов царской армии, их умственной медлительности, неспособности вести войну Куропаткина, о предательстве коменданта крепости Порт-Артур Стесселя. В ситуации подорванной веры в порядочность русских офицеров отдавать сына на растерзание «сапогам» и самодурам казалось ему непростительной глупостью, чем он мог покалечить жизнь сыну.

К тому же, дети в семье Тухачевских проявляли большую тягу к музыке. Михаил играл на фортепьяно и хотел освоить скрипку, а его братья Александр и Игорь имели ещё большие способности и успехи, и готовились поступать в консерваторию по классу виолончели и рояля.

Дети устраивали и домашние спектакли. Пьесы сочиняли сами и сами же рисовали смешные афиши. Главными действующими лицами бывали Михаил и Шура. Николай открывал и закрывал занавес, а также исполнял обязанности суфлера. Игорь аккомпанировал на рояле. Потом, на смену самодеятельным пьесам пришел Чехов. В инсценировке чеховской «Хирургии» Михаил играл роль фельдшера, а в «Канители» – дьячка. В те годы эти и другие чеховские вещи входили в стандартный репертуар домашних театров.

Когда старшие братья и сестра начали танцевать, Миша сразу превзошел всех. Ему легко удавалось исполнять самые замысловатые танцы с двумя стаканами в руках, не расплескивая

воду. В дальнейшем, когда Михаил уже учился в военном училище, он танцевал на балах с сестрой Надей, и никто не мог оторвать восхищенного взгляда от этой красивой, ладной пары.

*** 10 Московская гимназия ***

В 1909 году Тухачевские переехали в Москву, где жили на съемной квартире.

Братья Тухачевские поступили в разные учебные заведения. Михаил поступил в 5 класс 10 Московской мужской гимназии. Она была образована в 1902 году из Московской шестиклассной прогимназии, и размещалась в старинном особняке, бывшем доме камергера С. М. Сухотина на Большой Якиманке. Полный курс обучения в гимназии был рассчитан на семь лет. В гимназии преподавали Закон Божий, математику, географию, историю, российскую словесность, физику, пение, гимнастику, немецкий и французский языки.

10 Московская мужская гимназия относилась к элитным учебным заведениям России. Её учащимися были дети дворян, чиновников, купцов и священников. Выходцев из семей кучеров, лакеев, поваров, прачек и мелких лавочников там не было. Только в виде исключения в ней учился Василий Лебедев-Кумач, сын сапожника, получивший такую возможность за счет стипендии, выделенную ему по результатам конкурса крупным историком П. Г. Виноградовым, как одаренному мальчику.

Учебный год в средних учебных заведениях России начинался с 16 августа и заканчивался 1 июня (длился 240 дней).

После декабрьских событий 1825 года руководству учебных заведений было предписано предоставлять в полицию списки учащихся. В процессе обучения преподавателям запрещалось использовать учебные пособия и учебники, не прошедшие одобрения Ученого Комитета Министерства народного просвещения Российской империи. Кроме того, под цензурой находился даже выбор тем для сочинений учащихся.

Переход из класса в класс предусматривал сдачу экзаменов, которые проходили как в устной, так и в письменной форме. После выпускного экзамена выдавался аттестат зрелости.

Учеба в государственной казенной гимназии обходилась немного дешевле, чем в частных – по 60 рублей в год, при этом более половины расходов казенной гимназии покрывались за счет государственного финансирования, городского самоуправления и благотворительных пожертвований. Освобождались от оплаты только дети малоимущих родителей, имеющих какие-либо заслуги перед страной на государственной службе.

Собрать детей в школу Тухачевским стоило больших трудов. Только на одного надо было приобрести около десятка учебников, каждый стоимостью около 65 копеек, плюс тетрадки, перьевые ручки, чернила и карандаши. Таким образом, стоимость учебных пособий и канцелярских принадлежностей приближалась к 7—8 рублям. Ранцы и портфели изготавливали из телячьей кожи мехом наружу.

Многодетная семья Тухачевских была стеснена в средствах и старшая из сестер – Надя, окончившая гимназию еще в Пензе и имевшая право получить от Министерства народного просвещения свидетельство на звание учительницы начальных училищ и заниматься обучением на дому, – давала уроки.

Гимназическая форма шилась на заказ – строго по «высочайше утвержденным» образцам. Комплект мужской гимназической формы состоял из парадного мундира, повседневных блуз, тужурок, кителей или рубах-гимнастеров, брюк, фуражки, шинели, верблюжьего башлыка и форменного ремня. Дополнительно приобреталась установленная фурнитура – пуговицы и эмблемы учебного заведения, галуны. Гимназическая униформа имела полувоенный фасон – это должно было привить учащимся чинопочитание и послушание, кроме того, облегчало тотальный контроль – по номерам заведения ученика всегда можно было «вычислить».

В форме своего учебного заведения ученик того времени должен был находиться постоянно – не только в школе, но и в общественных местах. Форменная одежда гимназиста обходи-

лась семье в несколько десятков рублей. Это было весьма недешево, и родители часто просили портных сделать запас ткани на рукавах и штанах – «на вырост».

Руководил гимназией директор, которому поморгали инспектор, наблюдавший за порядком в классах и вел хозяйство, и почетный попечитель, надзиравший вместе с директором за гимназией. Во всех гимназиях работали педагогические советы, образованные из преподавателей, для руководства учебной и воспитательной работой. С 1874 года после окончания шести классов гимназии было разрешено поступать на военную службу.

В 10 Московской гимназии, где Михаил провел два года, он стал учиться лучше, чем в Пензе, и при переходе в шестой класс получил похвальный лист.

В московском доме Тухачевских очень любили музыку. Бабушка Софья Валентиновна и глава семейства Николай Николаевич часто музицировали в четыре руки на рояле. Частым гостем в доме был друг семьи профессор Московской консерватории Николай Сергеевич Жилиев.

Под влиянием старших членов семьи братья Михаила Александр и Игорь много и успешно занимались музыкой. Оба собирались поступать в Московскую консерваторию: Александр по классу виолончели, а Игорь по классу рояля.

В качестве репетитора для Александра и Игоря Жилиев порекомендовал Тухачевским своего ученика Николая Николаевича Кулябко, ранее окончившего Гнесинское музыкальное училище. Кроме музыки, репетитор организовал и политическое просвещение ребят, так как оказался большевиком. Его дядю Юрия Павловича Кулябко и его жену Прасковью Ивановну даже хорошо знал Ленин. Они с самого основания состояли в большевистской партии, активно участвовали в революции 1905 года, встречались с В. И. Лениным в Петербурге, а позже, когда он находился в эмиграции, выезжали к нему по партийным делам за границу. Под их влиянием и отец Николая Николаевича, железнодорожный служащий Николай Павлович Кулябко, помогал большевикам, добывал оружие для боевых дружин, а мать Ядвига Иосифовна прятала в своей квартире революционеров, скрывавшихся от полиции.

Наряду с музыкой в Москве Михаил увлекся модной в то время игрой в шахматы, что было очень полезно для человека, собирающегося стать военным. На одной из фотографий тех лет братья Тухачевские засняты за привычной игрой в шахматы.

Еще одним увлечением Михаила была – астрономия.

***** Кадетский корпус *****

Жизнь в Москве Тухачевским давалась с большим трудом, аренда земель во Вражском не обеспечивала былого достатка. Семья едва сводила концы с концами. Обучение Михаила в 10 Московской гимназии требовало значительных средств. Поступление его в кадетский корпус, где он, будучи потомком потомственного дворянина, имел бы право на бесплатное содержание, решало для семьи часть материальных проблем. Карьера военного была мечтой юноши и Николай Николаевич, подчиняясь силе обстоятельств, дал свое согласие на просьбу сына на переход из гимназии в какое-либо военное учебное заведение. Михаилу исполнилось 18 лет, он оканчивал 6 класс гимназии и мог попробовать поступить в седьмой, выпускной класс кадетского корпуса.

В ту пору особой известностью пользовался Первый Московский императрицы Екатерины II кадетский корпус, где готовили юнкеров для военных училищ с 1863 года. Это было особо привилегированное учебное заведение, основанное генерал-майором С. Г. Зоричем, адъютантом князя Г. А. Потемкина. Располагался корпус в районе Лефортово, занимая большую половину огромного и великолепного Екатерининского дворца (в другой части дворца с 1849 года дислоцировался Второй Московский кадетский корпус).

С 1903 года, по указу Николая II, он стал называться Московским Императрицы Екатерины II кадетским корпусом, учитывая, что в корпусной церкви принцесса Анхальт-Цербская будущая Императрица Екатерина II приняла православие.

Окончив его, Михаил мог сразу поступать в военное училище. Кроме того, в этом корпусе было хорошо поставлено преподавание не только специальных военных, но и общеобразовательных предметов.

Кандидаты в кадеты должны были пройти вступительные экзамены по Закону Божьему, арифметике, русскому, французскому и немецкому языкам.

В корпусе обучалось 400 кадет, которых делили на три роты: в первую строевую роту входили 6-ой и 7-ой выпускной классы; во вторую роту входили 4-ый и 5-ый классы и одно отделение 3-его класса, а в третью, самую младшую, роту входили 1-й и 2-ой классы и одно отделение 3-го класса. Каждый старший класс состоял из двух параллельных отделений по 30 кадет, возглавлявшихся офицером-воспитателем.

С первого же дня появления в корпусе для сдачи вступительных экзаменов Михаил был поражен его внутренним убранством, создающим сказочную причастность к великим историческим событиям. Он робко и с любопытством вступил в огромный вестибюль, мраморная лестница которого была украшенная захваченными в 1812 году касками французских кирасир и вела на второй этаж, где в небольшой нише, над лестницей, стояла мраморная статуя основателя корпуса генерал-лейтенанта С. Г. Зорича.

Выход из столовой был украшен скульптурами Императрицы Екатерины II и Императора Николая II, над которым было помещено изображение корпусного нагрудного знака – Белый Мальтийский крест с золотым вензелем Екатерины II, увенчанный короной.

К жилому помещению первой роты примыкал огромный Тронный зал, украшенный гербами всех губерний Империи Российской и царскими портретами во весь рост. На одной из стен Тронного зала был изображен государственный герб.

Тронный зал предназначался для официальных приемов высокопоставленных лиц, в нем производились парады и устраивались балы в день Корпусного праздника. Места хватало на всех: зал имел 60 метров в длину и столько же в ширину, без единой колонны или арки. Его тяжелый потолок был подвешен на цепях.

Поступающие проходили в первую и вторую приемные комнаты, в которых на стенах висели большие портреты царей и других высокопоставленных лиц Российской Империи.

Кроме того, в первой приемной находились белые мраморные доски с именами бывших кадет, получивших высшее боевое отличие – Орден св. Георгия Победоносца.

Орден св. Георгия, учрежденный в 1769 г. в период Первой Турецкой войны, считался наиболее высокой и почетной наградой за боевые подвиги для русского офицера. Орден имел четыре степени и присуждался за определенные подвиги, оговоренные в статуте ордена. Только в период царствования императора Николая I с 1833 по 1855 гг. орден присуждался формально за 25-летие службы при условии участия хотя бы в одном сражении или морских кампаниях. Представление к орденам должно было быть рассмотрено и поддержано думой георгиевских кавалеров, организованной при том или ином воинском соединении (корпусе, армии). Младшим орденом являлся орден четвертой степени, высшим – первой. Награжденный орденом Георгия приобретал ряд поощрений и преимуществ по службе.

Георгиевский кавалер становился потомственным дворянином, ему сразу же присваивался следующий чин. Награжденный орденом заносился на мраморную доску в Георгиевском зале Кремлевского дворца, а также на почетную доску в кадетском корпусе и военном училище, которое он окончил.

Награждение орденом осуществлялось строго по статуту, за исключением лиц императорской фамилии, а также лиц царствующего дома иностранных государств, которые получали орден Георгия по политическим мотивам.

Число Георгиевских кавалеров было весьма невелико. Так, орденом первой степени были награждены за сто лет 25 человек, в том числе 6 иностранцев. Из числа русских им были награждены крупнейшие русские полководцы: П. А. Румянцев-Задунайский, Г. А. Потемкин-Таврический, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, М. Б. Барклай де Толли, Л. Л. Беннигсен и ряд других. Орденом второй степени было награждено 85 человек, исключая иностранцев. За Отечественную войну 1812 г. орденом этой степени было награждено 4 человека: П. Х. Витгенштейн, А. П. Тормасов, М. Б. Барклай де Толли и М. А. Милорадович. Третьей степенью было награждено 512 человек, в том числе за Отечественную войну 1812 г. – 34 человека. Наконец, орденом четвертой степени было награждено 10256 человек, в том числе за участие в войне 1812 г. – 141 человек.

До 1914 г. в русской армии число Георгиевских кавалеров было невелико. Так, по данным на 1 июля 1908 г из общего числа генералов, составлявших 1429 человек, не считая великих князей – Георгиевских кавалеров было 102 человека, или 7% общего числа их. В том числе -55- кавалеров ордена Георгия первой степени не было ни одного, второй степени – один, генерал-фельдмаршал гр. Д. А. Милютин; третьей степени – 9 человек и четвертой степени – 100 человек. Из числа кавалеров ордена Георгия восемь генералов были награждены двумя орденами (3-й и 4-й степени).

Непосредственно к ордену Георгия примыкал Знак отличия военного ордена (в просторечии – солдатский Георгиевский крест, учрежденный в феврале 1807 г.). Знак военного ордена был в 1855 г. подразделен на четыре степени: четвертая и третья, изготовленные из серебра, а первая и вторая степени – из золота. Знак военного ордена носился на колодке на левой стороне груди, при этом знак третьей и первой степени имел специальный бант. В 1913 г. знак отличия военного ордена был наименован Георгиевским крестом в отличие от Ордена Георгия Победоносца. До середины 1916 г. знаки военного ордена изготавливались из серебра и золота, так же как и орден Георгия Победоносца. Знаком военного ордена награждались солдаты за определенный конкретный подвиг, согласно перечисленным в статуте. Так, например, солдат-телефонист мог получить знак военного ордена за исправление под огнем повреждений линии связи. Знак военного ордена носился на груди. Награжденные орденом Георгия Победоносца, а также Георгиевским крестом получали годовую пенсию, составлявшую для офицеров несколько сот рублей, в зависимости от степени...

После успешно сданных экзаменов Михаилу показали музей корпуса. Среди диковинных манекенов, одетых в военные формы различных армий и эпох, стояли пирамиды с маленькими, первыми русскими кремневыми ружьями.

Во время учебы в корпусе для Михаила стало обязательным посещение корпусной церкви, где у правого клироса стояло в черном кожаном чехле, блестя Гвардейским двуглавым орлом, Корпусное Знамя. На стенах церкви висели черные мраморные доски с именами убитых в боях кадет: «Кирасирского Военного Ордена полка корнет... убит в сражении под Бородиным 26 Августа 1812 года», «... егерского полка поручик... умер от ран, полученных в сражении при...» и других.

Успешно выдержавшие вступительный экзамен и прошедшие строгий медицинский осмотр кандидаты должны были с 15-го августа прибыть в корпус и приступить к занятиям. Здесь их встречал и принимал от родителей офицер-воспитатель, сопровождавший новичков к каптенармусу, который выдавал чистое белье и полное обмундирование.

Офицер-воспитатель, напутствуя новичка-кадета, торжественно произносил: «Запомните, что надетая на вас форма и всё, что с ней связано, – это пожизненно».

Обмундирование состояло из черного суконного мундира с красным воротником и золотым галуном на нем и черных суконных брюк, кожаного лакированного пояса с медной бляхой, на которой был изображен государственный орел в солнечном сиянии; фуражки с красным околышем и черным верхом. Погоны у кадет были красного цвета с желтым вензелем Екатерины II и синим кантом. Кадетам выдавалась шинели черного сукна с красными петлицами. На мундире было 8, а на шинели 5 медных пуговиц с двуглавым орлом. Кроме того, зимой выдавался башлык, длинные концы которого, заправленные под погоны и пояс, перекрещивались на груди, а сам башлык, старательно разглаженный прикрывал спину. Летом вместо мундира выдавались суровые рубашки. Сапоги были из дубленной желтой кожи. Кадетам стоило не малого труда превратить их в черные и блестящие. Не меньшего искусства стоило умение наматывать портянки. Надев форму и впервые погоны, кадет сразу чувствовал себя членом военной семьи и гордился этим.

Предварительно пройдя строгий медицинский осмотр, 16 августа 1911 года Михаил впервые надев военную форму приступил к занятиям в последнем, 7-м классе 1-го Московского императрицы Екатерины II кадетского корпуса.

Во главе корпуса во время поступления в него Михаила Тухачевского директором был генерал-лейтенант Владимир Валерьянович Римский-Корсаков, отлично образованный и мягкий человек, при этом прекрасный педагог, который тщательно отбирал учительский состав: при нем даже танцам кадет стал обучать балетмейстер Большого Московского театра. Благодаря воистину отеческому отношению к кадетам он пользовался искренним уважением и любовью своих воспитанников.

Дисциплину в корпусе поддерживали ротные командиры и офицеры-воспитатели.

Наставники обучали новичков правилам воинского общения. К младшим офицерам, исключая капитанов и соответствовавших им ротмистров и есаулов солдатам требовалось обращаться – ваше благородие; к штаб-офицерам и капитанам – ваше высокоблагородие; к генерал-майорам и генерал-лейтенантам – ваше превосходительство и, полным генералам – ваше высокопревосходительство.

Младшие офицеры к старшим, а также юнкера и кадеты обращались «господин» и далее указывался чин – «господин поручик», «господин капитан», «господин полковник», но генералы именовались – ваше превосходительство и ваше высокопревосходительство.

Старшие офицеры именовали младших по чину и фамилии: «полковник Петров», «штабс-капитан Семенов», «подпоручик Щеглов», «кадет Иванов».

Каждая рота имела свой большой зал, в который выходили классные комнаты, и располагала одной или двумя спальными комнатами с ровными рядами железных кроватей, покры-

тых серыми одеялами. В голове, над кроватью, была прикреплена металлическая табличка – «цигель» – с именем кадета и его личным номером.

Михаилу нравилась окружающая его обстановка. Он стремился к воинской службе и без особых усилий втянулся в спартанский быт кадетского корпуса. Его не угнетали: твердая кровать с тонким одеялом, при этом требование держать руки поверх одеяла в прохладной большой спальне; громкий, неожиданный бой барабана, заставлявший новичка стремительно вскакивать в 6 часов утра и спешить чистить зубы, умываться, чистить до блеска сапоги и медные пуговицы мундира.

По второму трубному или барабанному сигналу надо было спешить в строй. Опоздание или неопрятность в одежде влекли за собой наказание – стояние «под лампой» во время очередной «перемены» или лишение отпуска. Окончив осмотр, дежурный офицер-воспитатель командовал: «Рота на пра-во, шагом марш» и кадеты спускались вниз, в столовую к утреннему чаю, где на длинных столах ожидали их аккуратно расставленные фарфоровые кружки с вензелем Екатерины II и лежавшие около них французские булки.

Как только места в огромной столовой на 400 мест были заняты (по 20 человек на стол), прежде чем сесть, пелась молитва: «Очи всех на Тя Господи уповают и Ты даеши им пищу во благовремении, отверзаеши щедрую руку Твою и исполняеши всяко животное благоволение». После произнесения молитвы разрешалось сесть и, вооруженные большими медными чайниками, служители начинали разливать утренний чай с сахаром. Минут через двадцать по команде вставали, снова пели молитву: «Благодарим Тя Христе Боже наш яко насытил еси нас земных Твоих благ и не лиши нас и небесного Твоего царствия», после чего строем поднимались в ротное помещение.

Наученный горьким опытом учебы в пензенской гимназии, Михаил не высказывал здесь публично своих атеистических взглядов. Он понимал: раскрой он здесь свои убеждения, то его могли сразу исключить из корпуса, и о генеральской карьере можно было забыть навсегда.

В утреннее время с 7 до 8 часов, сидя за партами по два человека, кадеты повторяли заданные уроки в классных комнатах.

В начале каждого учебного года кадетам бесплатно выдавали письменные принадлежности, учебники и тетради.

Время с 8 до 11 часов было занято уроками. После второго завтрака в 11 часов с 12 до 15 следовали: гимнастика или строевые занятия.

В 15 часов кадеты строем шли на обед, состоявший обычно из 3 блюд: суп или борщ с мясом, на второе – котлеты или зразы, с гарниром: картофелем, рисом, макаронами или фасолью, на третье – компот или чай.

Для послеобеденных прогулок кадеты младших и средних классов пользовались прилегающими к дворцу двумя большими плацами. Кадеты первой роты – дворцовым парком.

В теплое время все охотно играли в лапту, в городки или в футбол; зимой играли в снежки, катались на санках с высоких гор, построенных на берегу ближайшего пруда, бегали на коньках или ходили на лыжах.

Вернувшись с прогулки, желающие могли посвятить время обучению с опытными наставниками музыке, пенью и разным ремеслам: переплетному, столярному, токарному и т.д., для чего имелись особые классы с необходимыми инструментами.

Хорошо учившихся кадет 7-го класса производили в вице-унтер офицеры, их погон был обшит золотым галуном, а цигель над кроватью обведен золотой краской. Погон вице-фельдфебеля помимо этого имел еще галун по середине. Традиция требовала, чтобы получившие нашивки кадеты угощали весь класс за вечерним чаем пирожными. Некоторые из «нашивочников» назначались «дядьками» в третью роту, где по вечерам должны были помогать дежурному офицеру смотреть за порядком и за тем, чтобы малыши аккуратно складывали свою одежду на стоявшую около кровати табуретку.

В помещении первой роты имелась библиотека с читальным залом, на стенах которой висели портреты известных писателей и поэтов. В соседней с ней комнате стоял бильярд, хранились винтовки, шлемы и рапиры для фехтования. В помещениях второй и третьей роты находились гимнастическими снарядами, на которых они могли упражняться в свободное время.

Вечером, с 18 до 20 часов, под надзором воспитателя, кадеты готовили уроки, затем пили чай с булкой и вскоре ложились спать

В 1909 году в корпусе провели электрическое освещение. Зимой все огромное здание дворца отапливалось большими кафельными печами, заботились о которых служители, набранные из старых солдат. Для заболевших воспитанников имелись два лазарета. Был оборудован и зубокабинет. Каждый год, после возвращения из летнего отпуска производился медицинский осмотр кадетов: измерялся рост и объем груди, проверялось зрение и проводилось взвешивание.

Особенно помпезно праздновался Корпусной праздник. В корпус привозилась масса зелени: деревца в кадках, цветы и цветочные гирлянды. Громадная столовая, обе приемные комнаты, спальня первой роты и Тронный зал превращались в зимние сады. Накануне праздника, 23-го ноября, на всенощной в корпусной церкви пел хор Чудова монастыря. Съезжались юнкера-екатерининцы из военных училищ, приезжали генералы и офицеры, бывшие питомцы корпуса и их друзья, и все гости получали довольствие и ночлег в его стенах.

24-е ноября – в день рождения Екатерины 2 с помпой отмечали Корпусной праздник. В корпусе царит праздничное настроение, все в парадной форме, все блестит особой праздничной чистотой. С утра съезд гостей и начальства. В 10 часов начало обедни, служит архиерей, поет Чудовский хор. Церковь полна до отказа. После службы парад в Тронном зале с выносом Корпусного Знамени, церемониальный марш и выдача наград кадетам, успешно закончившим прошлый учебный год.

После парада подавался обед. Каждому кадету, помимо традиционного гуся, доставались бутылка меду, фрукты и большая кружка конфет. Во время обеда играл оркестр Александровского военного училища, известный блестящим подбором музыкантов. Этим кончался день 24-е ноября.

На другой день, 25-го Ноября, корпусной бал, попасть на который было мечтой многих молодых москвичек. Спальню первой роты превращали в зимний сад. Различных форм и цветов беседки и гроты полны сладостей и прохладительных напитков. Кадеты старательно угощают гостей и развлекают приглашенных дам. Играют два оркестра Московских гренадер и Александровского военного училища. Танцы в Тронном зале продолжаются до поздней ночи. Следующий день – Праздник Георгиевских кавалеров, а затем жизнь входит в нормальную колею.

Символом офицерской чести были погоны. Это внедрялось в сознание еще с детства.

Каждый воинский чин имел погон строгого образца. Обер-офицерский погон имел один просвет, т.е. одну полосу другого цвета. При этом у прапорщика запаса была одна звездочка, у подпоручика – две, у поручика – три, у штабс-капитана – четыре, и у капитана не было ни одной звездочки. Штаб-офицеры имели на погоне две полосы и либо три звездочки у подполковника, либо ни одной у полковника. На генеральском погоне был изображен зигзаг. При этом у генерал-майора было две звездочки, у генерал-лейтенанта – три звездочки, а у полного генерала – погон был без звездочек.

В кадетском корпусе самым суровым наказанием, которое влекло за собой изгнание из корпуса, являлся срыв погон за тот или иной аморальный проступок. Эта мера не оставляла равнодушных. Выстраивалась рота, командир роты вызывал провинившегося из строя и сообщал всем о его проступке. Ротный портной надрезал погоны, барабанщик бил дробь, а командир роты срывал погоны и наказанный ставился на несколько шагов за левым флангом роты. Это производило большое впечатление на кадет. Офицер, а также юнкер и кадет

никогда, ни при каких обстоятельствах не снимали с себя погоны, за исключением поездок за границу, где не разрешалось носить военную форму, а надлежало облачаться в штатское платье.

Год выпуска Тухачевского, 1912-й, был годом столетия Отечественной войны 1812 года. Соответственно и темой выпускного сочинения у кадет стала «Отечественная война и ее герои». Им устроили экскурсию на Бородинское поле, да не простую, а в условиях, приближенных к боевым: с разведкой, марш-броском, с полевыми кухнями.

Михаил Тухачевский все экзамены сдал на «отлично» и 1 июня 1912 года получил заветный аттестат. Его имя было занесено на мраморную доску почета кадетского корпуса, что очень льстило молодому человеку.

В корпусе Михаил составил свой словарь пословиц и поговорок, относящихся к военному делу: «Смелый приступ – половина победы», «Бой отвагу любит», «Крепка рать воеводой», «Умей быть солдатом, чтобы быть генералом».

В бытность Михаила в кадетском корпусе умер его двоюродный дед-генерал. Перед смертью он захотел видеть Михаила. Когда тот приехал и вошел к нему, дед указал, чтобы Михаил сел на край кровати. Подняв уже с трудом свою длинную и костлявую руку, положил ее на плечо внуку и произнес: «Ты мне пообещай три вещи, Миша, – сказал он. – Первое, что ты окончишь училище фельдфебелем. Второе, что будешь умеренно пить. И третье, что окончишь Академию Генерального штаба. Постарайся выйти в Семеновский полк. В Семеновском служил с начала его основания, при Петре, наш предок Михаил Артамонович Тухачевский. Вон там, в бюро, в верхнем ящике его портрет-миниатюра, я его дарю тебе, ты на него и лицом похож...».

***** военное училище *****

Офицерский корпус России не был спаянным коллективом, а имел ряд разобщенных групп, прежде всего, по родам оружия. Наиболее почетной группой являлась кавалерия. Содержание лошади для офицера требовало немало затрат и в кавалерию шли наиболее обеспеченные дворяне. В кавалерии собирались, как говорили, «сливки общества», считавшие себя «центром вселенной», а потому при общении с офицерами других родов войск они часто проявляли высокомерие. Наиболее образованными были офицеры артиллерийских и инженерных частей. Они также были отчуждены от других родов войск. Наименее почетной считалась, конечно, пехота. Настоящими изгоями становились офицеры, уходившие в жандармский корпус. Товарищеских проводов в части им не устраивали, а затем и вообще прекращали всякие отношения с ними.

После революции 1905—1907 годов в армии в каждом штабе военного округа учреждалась специальная должность начальника контрразведки, во главе которой стоял переодетый в штабную форму жандармский офицер. В его задачу, помимо борьбы со шпионажем, в основном входило наблюдение за политической благонадежностью офицерского состава. По армии ежегодно стали составляться так называемые «черные» списки, в которые заносились «неблагонадежные в политическом отношении офицеры». Списки доводились до сведения командиров полков, и карьерный рост этих офицеров прекращался. Жандармский офицер, официально подчиняясь генерал-квартирмейстеру, держал под наблюдением не только весь штаб, но и своего начальника.

Уже в кадетском корпусе Михаил определился, что далее следует продолжить образование в Александровском военном училище, готовящим офицеров пехоты. В то время оно считалось третьим по престижности после Пажеского корпуса и Павловского военного училища в Петербурге. Всего в России на тот момент было 21 военное училище, которые после снижения престижа армии в народе после поражения в Русско-японской войне 1904—1905 годов и участия войск в подавлении революционных выступлений 1905—1907 годов в России комплектовались с трудом. В 1907 году некомплект в офицерском составе армии достиг – 20%.

Московское Александровское училище было открыто в 1863 году императором Александром II, который стал его первым шефом. Училище разместили в здании Александринского Сиротского кадетского корпуса.

В конце двадцатых годов 19 века Московский Опекунский Совет выкупил у вдовы графа С. С. Апраксина высокое здание с колоннадой на углу Арбатской площади и улицы Знаменка, для создания сиротского приюта. В 1831 году приют был переименован в Александринский Сиротский институт и предназначался для осиротевших офицерских и солдатских детей, а супруга Императора Николая Павловича Александра Федоровна приняла его под свое покровительство. После Венгерского похода 1851 года институт был упразднен, а на его место был переведен Александровский Брестский кадетский корпус, который был переименован в Александринский сиротский кадетский корпус в честь святой мученицы царицы Александры, имя которой носила Государыня Императрица – супруга Императора Николая I. Сама Императрица Александра Федоровна принимала деятельное участие в попечительстве сирот этого корпуса. Наследник Цесаревич Александр Николаевич был зачислен в списки корпуса, а на здании корпуса была помещена эмблема – пеликан, кормящий своих птенцов и выдёргивающий свой пух, чтобы прикрыть им гнездо. Вновь созданный корпус предназначался для воспитания сирот штаб- и обер-офицеров, а также военных и гражданских чиновников из потомственных дворян с целью их подготовки к офицерской службе во всех родах войск. Александринский Сиротский кадетский корпус был постоянным участником коронационных торжеств, военных пара-

дов в манеже и на Ходынском поле. В 1859 году был произведен первый выпуск кадетов в офицеры.

В царствование императора Александра III, вступившего на престол в 1881 году, училище получило название Третьего Московского военного Александровского училища, а Александр III стал вторым шефом училища. В 1891 году Третье Александровское военное училище стало именоваться Александровским военным училищем. Последним шефом училища был император Николай II.

Право на поступление в училище имели лица достигшие 17 лет и только из дворянского сословия, при этом получившие удостоверение о знании полного курса кадетских корпусов или полного курса средних учебных заведений. Срок обучения в нем составлял два года.

В августе 1912 года Тухачевский поступил в Александровское военное училище в Москве. В более престижные петербургские училища, вроде элитного Павловского, поступать не стал: жизнь в столице империи, вдали от родителей, была не по карману. Михаил поставил перед собой задачу окончить курс одним из лучших, чтобы иметь возможность выбрать вакансию в гвардейском полку, дать хороший старт карьере. Уже в училище он особенно тщательно штудировал военные дисциплины, с прицелом на будущее поступление в Академию Генерального штаба. Сбыться этой мечте помешали Первая мировая война и Октябрьская революция.

При переходе в старший класс он получает приз-награду за первоклассное решение экзаменационной тактической задачи (выдавалось одно из сочинений известных авторов по тактике). Далее за планомерное определение расстояний и успешную стрельбу Михаил получает благодарность по училищу. Будучи великолепным гимнастом и бесподобным фехтовальщиком, он получает первый приз на турнире училища весной 1913 года – саблю только что вводимого образца в войсках для ношения по желанию вне строя.

Не лучшим образом на комплектование офицерского корпуса сказывалось невысокое денежное содержание офицеров: оклад содержания подпоручика составлял – 70 руб. в месяц; для поручика – 80 руб. в месяц; для штабс-капитана – от 93 до 103 руб. в месяц; для капитана – от 135 до 145 руб. в месяц; для подполковника – от 185 до 200 руб. в месяц.

Командир полка получал чуть более 300 рублей в месяц; начальник дивизии – 500 рублей в месяц, командир корпуса – 775 рублей в месяц. Однако и эти оклады все же были значительно ниже жалованья получаемого гражданскими чиновниками соответствующих рангов. Так, министры – чины второго-третьего класса, соответствовавшие по рангу командирам корпусов, в начале века получили содержание в объеме 20 тыс. рублей в год, т.е. вдвое больше. Оклад жалованья членов Государственного Совета, равных по рангу тем же командирам корпусов, равнялся 12—18 тысячам рублей в год.

Среди военных находящихся с отдаленных гарнизонов, оторванных от культурных центров и от общественной жизни, процветало пьянство.

Боевая деятельность для александровцев началась в период Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, в период которой 33 выпускника Александровского военного училища стали героями этой войны, 6 из них были награждены орденом Святого великомученика и Победоносца Георгия.

В строевом отношении училище имело один батальон из 4 рот с общим штатом 400 юнкеров. Каждая рота делилась на четыре взвода.

Строевая подготовка юнкеров в течение двух лет обучения включала в себя как практические, так и теоретические занятия. Годичный курс продолжался с 1 сентября до середины мая. Программа первого года включала в себя: дисциплинарный устав; наставление по обучению стрельбе; гарнизонную и сторожевую службу; устав о строевой пехотной службе; фехтование на рапирах; гимнастику; практическую стрельбу и глазомерное определение расстояния.

Только на втором году обучения один раз в неделю юнкера занимались верховой ездой в манеже и приемами стрельбы из артиллерийских орудий.

Летом начинался период стрельб, ротных и батальонных учений, которые проводились на Ходынском поле совместно с другими подразделениями Московского военного округа. Практические занятия заканчивались смотром Командующего войсками округа и тактическими учениями.

В основу второго учебного года училища были положены военные предметы специальных классов кадетских корпусов: тактика, артиллерия, фортификация, военная топография, военная администрация, военное законоведение, а также общеобразовательные предметы: Закон Божий, русский язык, иностранные языки, математика, химия, физика, черчение, политическая история и статистика, логика и психология.

Начальником училища в годы учебы в нем Михаила Тухачевского был его выпускник 1884 года генерал-майор Российской императорской армии Николай Иванович Геништа. Это был опытный военный и преподаватель. До назначения на эту должность он несколько лет отслужил в строевых воинских частях, окончил Николаевскую академию генерального штаба в 1892 году и 4 года был начальником Казанского пехотного юнкерского училища.

Александровское училище считалось менее строгим, чем другие, Павловское и Николаевское, его наставники-офицеры не были мелочно придирчивы, смотрели на многое сквозь пальцы. Учиться там с хорошим составом высококвалифицированных преподавателей было легко и интересно, к тому же для юнкеров часто устраивались замечательные балы. Искусство строевой подготовки в его стенах было доведено до совершенства, однообразие которого не утомляло, а напоминало подготовку к желанным спортивным соревнованиям в виде парадов с музыкой в огромном манеже на Моховой, где требовалось проявить себя с лучшей стороны, добиться максимального успеха.

«Александроны», как «павлоны» и «николаевцы», имели свое лицо, свой облик и традиции. В офицерском корпусе Русской армии и гвардии «александроны» выделялись либерализмом во взглядах, жадной военных нововведений и реформ, были некоторой «фрондой» по отношению к остальной серой массе царского костного офицерского корпуса. Александровец был всегда прям в суждениях, ловок и точен в движениях. Он гордится своим училищем и ревностно поддерживает его честь. Он был бесповоротно убежден, что из всех военных училищ России, а может быть, и всего мира, Александровское училище самое превосходное. Это убеждение, казалось ему, разделяла с ним и вся Москва – Москва, которая так пристрастно и ревниво любит все свое, в пику чопорному и холодному Петербургу: своих лихачей, певцов, актеров, и, конечно, своих стройных, молодых, всегда прекрасно одетых, вежливых юнкеров. Праздник училища отмечался 23 апреля.

Юнкера-александровцы были любимцами окрестных мест. Когда колонны юнкеров маршировали по улицам города, для жителей приарбатских мест это было увлекательным зрелищем. Окончивший училище И. Куприн, так описывал это событие: «Улицы и слева и справа полным-полны москвичами.

– Наши идут. Александровцы. Знаменские.

Изо всех окон свесились вниз милые девичьи головы, женские фигуры в летних ярких ситцевых одеждах. Мальчишки шныряют вокруг оркестра, чуть не влезая замурзанными мордочками в оглушительно рывкающий геликон и разевающие рты перед ухающим барабаном. Все военные, попадающие на пути, становятся во фронт и делают честь знамени. Старый, седой отставной генерал, с геогиевскими петлицами, стоя провожает батальон глазами. В его лице ласковое умиление, и по щекам текут слезы.

Все двести юнкеров, как один человек, одновременно легко и мощно печатают свои шаги с математической точностью и безупречной правильностью. В этом почти выше чем человеческом движении есть страшная сила и суровое самоотречение.

Какая-то пожилая высокая женщина вдруг всплескивает руками и громко восклицает:
– Вот так-то они, красавцы наши, и умирать за нас пойдут...»

Александровское училище славилось и великолепной библиотекой. Бывший воспитанник его В. А. Березовский, крупнейший книгоиздатель, подарил ей все свои издания – более трех тысяч книг.

За время учебы Тухачевский проштудировал более полусотни книг по военной тематике, в том числе работы известных русских военных историков и теоретиков А. К. Байова, А. Г. Елчанинова и В. П. Михневича.

Наиболее интересные занятия проходили в летнем лагере на Ходынском поле. Здесь проводились стрельбы, топографические съемки и тактические учения. Для ознакомления юнкеров младшего класса со строями, походными порядками и боевыми действиями составлялась рота военного времени из юнкеров старшего класса. В октябре училище выходило на Воробьевы горы, где отряды из пехоты, кавалерии и артиллерии производил боевую стрельбу.

Офицерский состав училища проходил жесточайший отбор по профессиональным качествам и культуре поведения. Офицеры строго и внимательно следил за юнкерами, не упуская никого из них из поля зрения. Отношения юнкеров с начальством строились на взаимном доверии и уважении, но без панибратства, любимчиков не было. Среди наставников попадались очень педантичные, придирчивые и скорые на раздачу взысканий, однако никогда ни один офицер-воспитатель не решался закричать на юнкера или оскорбить его словом. Юнкера их смиренно терпели, но и высмеивали в ядовитых песнях.

Во всём укладе юнкерской жизни церковное воспитание занимала значительное место: учебный день начинался молитвой, молитвой и заканчивался. Каждый учебный год начинался молебном. В дни церковных праздников юнкера были обязаны посещать училищную церковь Святой мученицы царицы Александры, в которой юнкера периодически исповедовались, помогали батюшке при богослужении, пели в церковном хоре. На стенах церкви висели чёрные мраморные доски, где были высечены фамилии погибших воспитанников училища. Воспоминания о Плевне, Шипке, Карсе и Ардагане навеки связаны с историей Александровского военного училища: 27 офицеров погибли на поле брани в период Русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

Юнкеров обязывали соблюдать Великий пост, ходить к заутрене на Пасху. Каждый юнкер обязан был иметь при себе нательный крест. В день производства в первый офицерский чин начальник училища лично вешал на шею каждому юнкеру маленькую серебряную иконку Казанской Божьей Матери, которая издавна на Руси считалась покровительницей воинов.

После выпуска офицеров они не прекращали связи с родным училищем. Юнкера издавали свой собственный журнал «Александровец». Бывшие питомцы писали туда свои письма, статьи, стихи. Юбилейные номера этого журнала, посвящённые годовщинам основания училища, были очень объёмны и содержательны: в них было большое количество поздравительных статей в адрес училища от офицеров и преподавателей, с описанием боев и армейских житейских будней.

Юнкера старшего класса по окончании выпускных экзаменов делились на 3 разряда: к 1-му разряду принадлежали получившие в среднем не менее 10 баллов, при этом по строевой службе не менее 9 баллов. Ко 2-му разряду относились юнкера, получившие на окончательном экзамене не менее 9 баллов и показавшие знания по строевой службе не менее 8 баллов. Все прочие относились к 3-му разряду. Юнкера 1-го разряда выпускались подпоручиками в армейскую пехоту, при этом лучшие из них, набравшие 11 баллов и более, получали возможность получить распределение в престижные гвардейские части. Юнкера, окончившие училище по 2-му разряду, выпускались в армейскую пехоту прапорщиками. Выпускаемые по 3-му разряду переводились в полки армейской пехоты юнкерами на шесть месяцев и только по истечении этого срока производились в офицеры без экзамена.

Вакансии в военных училищах распределялись строго по старшинству баллов. Это был непреложный закон и никаких исключений из него никогда не делалось. Никакие другие обстоятельства: аристократизм происхождения, высокопоставленное положение родителей, а также другие причины в расчет не принимались.

Юнкера, получившие наибольший бал заносились на мраморные доски почета училища. При выпуске в офицеры наиболее успешно окончившие курс юнкера ежегодно награждались премиями, учрежденные состоятельными лицами. Выпущенные с правами 1-го и 2-го разрядов получали пособие на обмундирование в размере в 300 рублей, а по 3-му разряду только 50 рублей.

Став юнкером, Михаил Тухачевский поставил перед собой цель окончить училище одним из лучших по успеваемости, чтобы иметь возможность выбрать вакансию в гвардейском полку.

Служба в гвардии давала ряд преимуществ в продвижении по службе. Доля гвардейских офицеров в Российской царской армии составляла около 1600 человек, что не превышало 4% от удельного веса офицеров русской армии (из 70 пехотных дивизий имевшихся в Русской императорской армии гвардейских было всего три), однако среди генералов выходцев из гвардии было более 81%. При замещении некоторых должностей, например, командира полка, преимущество отдавалось гвардейцам. Кроме того, гвардейские части в основном дислоцировались в столице или ее окрестностях, а не в отдаленных районах страны. В гвардейских частях русской армии командиру полка могло присваиваться звание генерал-майор.

Большинство гвардейских вакансий предоставлялось Пажескому корпусу и Николаевскому кавалерийскому училищу.

Однако наличие высокого балла по успеваемости и необходимой вакансии было далеко не главным для зачисления в гвардию. Решающим являлось согласие общества офицеров данной части на прием кандидата в полк. Еще до выхода из училища общество офицеров начинало знакомиться с кандидатами – их происхождением, нравственными качествами. Кандидат должен был соответствовать их понятиям об офицерской чести, т.е. соблюдать нерушимость «честного слова», быть готовым исполнить долг перед родиной даже ценой своей жизни, хранить честь мундира, обладать рыцарскими чертами в отношении к женщине, испытывать неприязнь к подхалимству и доносительству.

Заключительным актом ознакомления с кандидатом в офицеры полка было приглашение его на полковой обед, где наблюдали за умением кандидата вести себя за столом, а также стремились выяснить его поведение после употребления крепких напитков, которыми усиленно потчевали. Человек не должен был потерять самообладания и уронить честь мундира ни при каких обстоятельствах. Выпив спиртного, офицер не должен был скандалить, оскорблять сослуживцев или дурно отзываться об их близких и знакомых, бросаться в драку, бряцать оружием. Офицер должен был знать чувство меры и не допустить того, чтобы запачкать мундир пищей, упасть лицом в салат или свалиться под стол.

Кроме того, кодекс офицерской чести запрещал женитьбу на женщинах, ведущих публичный образ жизни (артистках, певицах, гувернантках, продавщицах и пр.). Издательство книг действующему офицеру разрешалось только с использованием псевдонима, чтобы не бросить тень на часть, где вместо интереса к службе процветает страсть к духовным музам.

Поведение офицера должно было отвечать следующим рамкам:

«Весьма смел, но без запальчивости,
скор без опрометчивости,
деятелен без легкомыслия,
подчинен без унижения...»

Михаил не сомневался, что учитывая боевые заслуги его предков общество офицеров-семеновцев примет его в свои ряды, и надеялся, что найдет среди его нынешних офицеров многих верных боевых друзей и товарищей.

Семеновский полк нес ответственные караулы во всех посольствах, во всех министерствах, конвоировал все ценности, которые Государственный Банк отправлял в разные места по всей стране.

Уважение к семеновцам у Михаила вызывал и тот факт, что знаменитый полководец А. В. Суворов, остававшийся для него кумиром на всю жизнь, начинал свою службу в армии с Семеновского полка.

19-летний юноша, мечтающий стать генералом, быстро и легко вошел в обстановку жизни училища. Сразу, с первых же шагов Тухачевский проявляет страстное стремление получить повышение по службе, быть фельдфебелем или старшим портупей-юнкером. Повышение по службе освобождает воспитанника от утомительных малочетных нарядов, сближает с преподавателями, которые стараются не ставить низких оценок своим первым помощникам, чтобы не уронить их авторитет.

Вскоре происходит случай, который приближает Михаила к его цели. На одном из тактических учений Михаил Тухачевский проявляет себя как отличный служака, понявший смысл службы и требования долга. Будучи назначен в сторожевое охранение, он по какому-то недоразумению не был своевременно сменен и, забытый, остался на своем посту. Он простоял на посту сверх срока более часа и не пожелал смениться по приказанию, переданному им посланным юнкером.

Как и положено, Тухачевский был сменен самим ротным командиром, который поставил его на пост сторожевого охранения 2-й роты. На это потребовалось еще некоторое время, но после этого о юнкере младшего курса Тухачевском сразу заговорили в училище, ставили в пример его понимание обязанностей по службе и внутреннее понимание им духа уставов, на которых зиждилась эта самая служба. Его выдвинули производством в портупей-юнкера без должности, в то время как прочие еще не могли и мечтать о портупей-юнкерских нашивках.

Довелось Михаилу нести службу и в юбилейных мероприятиях по случаю трехсотлетия дома Романовых в 1913 году, когда Александровскому и Алексеевскому военным училищам приходилось в период приезда Государя-императора с семьей в Москву нести ответственную и тяжелую караульную службу в Кремлевском дворце. В эти дни портупей-юнкер Тухачевский отменно, добросовестно и с отличием исполняет караульные обязанности, возложенные на него. Здесь же впервые Тухачевский был представлен Его величеству, обратившему внимание на службу его и особенно на действительно редкий случай для младшего юнкера получения портупей-юнкерского звания. Государь выразил свое удовольствие, ознакомившись из краткого доклада ротного командира о служебной деятельности портупей-юнкера Тухачевского.

Однако эту встречу с самодержцем Михаил воспринял без восторженного упоения. К этому времени подростковый нигилизм в отношении к Николаю II был подкреплен еще одним фактором – сугубо личным. Отец Тухачевского, окончательно перестав сводить концы с концами, обратился к императору с прошением принять детей на обучение за казенный счет – как потомков героя войны 1812 года.

«Ваше Императорское Величество!

Родной дед мой, Александр Николаевич Тухачевский, участвовал в Отечественной войне 1812 года... и во всех последующих войнах 1813, 1814, 1828, 1829, 1830 и 1831. В своей последней кампании он был в сражении убит.

В минувшем 1812 году ваше величество даровали потомкам участников Отечественной войны много милостей, превеличайшая есть воспитание и образование их детей на казенный счет. Я не решился тогда же ходатайствовать для своих детей об этой милости... надеюсь справиться с трудной задачей собственными средствами окончить образование девяти детей своих.

Но теперь на это ушли уже мои последние средства, а заработать что—либо личным трудом я не могу по причине болезненного состояния.

В этой крайности мне остается одна надежда на беспредельное милосердие Ваше Государь, один исход – обращение к милости Вашего Императорского Величества с ходатайством о принятии на казенный счет в один из московских институтов дочерей моих Софии и Ольги и в московскую консерваторию сыновей моих Александра и Игоря в память заслуг их прадеда Александра Николаевича Тухачевского.

О такой Монаршей милости я решаюсь просить за них в надежде что голос мой, голос отца семейства истинно нуждающегося будет услышан и мы будем утешены в эти дни общей радости нашей верноподданных Вашего Императорского Величества, встречающих Вас в столице, где 300 лет тому назад наши предки торжествовали вступление на престол Вашего Предка, Государь, первого Царя из Дома Романовых.

Вашего Императорского Величества верноподданный дворянин Николай Николаевич Тухачевский».

Подтверждением действительно бедственного положения семьи Тухачевских было свидетельство, выданное Смоленским губернским предводителем дворянства отцу будущего маршала 20 июня 1913 года: «Дано потомственному дворянину Николаю Николаевичу Тухачевскому в том, что он состояния крайне бедного, обременен семейством, состоящим из 9 человек детей, жены, матери и никаких имуществ, как движимых, так и недвижимых или других средств существования не имеет».

Несмотря на юбилей царской династии и приукрашенное лестью обращение тем унижительнее было для Николая Николаевича получить отказ: «Ответ на прошение о принятии детей на казенный счет, отправленное в Канцелярию Его Императорского Величества Дворянину Николаю Тухачевскому Прошение Ваше, поступившее 27 мая с. г. как поданное по истечении срока, установленного в... правилах, оставлено без последствий.

Канцелярия Его Императорского Величества по принятию прошений.
11 ноября 1913 года».

Однажды во время прогулки няня повела младших сестер Михаила посмотреть приехавшего в Москву царя. Когда Миша узнал об этом, он был расстроен из-за их детской наивности и принялся объяснять им, что царь – такой же человек, как всякий другой, и специально ходить смотреть на него глупо.

В доме Тухачевских царил революционный дух французской революции конца 17 века. В начале 20 века все ждали скорых политических изменений в России, т.к. всем казалось, что самодержавие исчерпало себя, мешало развитию страны. Любимым музыкальным произведением Михаила стала 9 симфония Бетховена, в основу создания которой легла ода Шиллера «К радости»:

«Радость, пламя неземное,
Райский дух, слетевший к нам,
Опьянённые тобою,
Мы вошли в твой светлый храм...»

***** На фронт *****

Годы учебы Михаила в кадетском корпусе, а затем в Александровском училище проходили на фоне обострения политической борьбы между Россией, Австро-Венгрией и Германией за влияние на Балканах.

Одержав блестящие победы над турецкой армией в ходе Русско-Турецкой войны 1877—1878 годов, Россия не смогла в полной мере воспользоваться успехами этой военной кампании из-за политических амбиций Англии, Германии и Австро-Венгрии. По их настоянию летом 1878 года состоялся Берлинский конгресс с участием шести держав (Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, России и Турции). На нем Россия оказалась в политической изоляции. Её предложение о создании единого Болгарского государства не нашло поддержки у дипломатов собравшихся стран. Все понимали, что, опекая единую Болгарию, Россия могла бы в своих интересах контролировать и использовать проливы Босфор и Дарданеллы, чего не хотели допустить западные страны.

По настоянию Германии, озвученному Отто фон Бисмарком, Южная Болгария со Стамбулом осталась под властью Турции. Территории прорусских государств Сербии и Черногории были значительно урезаны, при этом конгресс подтвердил право Австро-Венгрии оккупировать Боснию и Герцеговину, а Англия закрепила за собой право ввести войска на Кипр.

Российское общество были сильно разочаровано неудачами русской дипломатии на Берлинском конгрессе, осуждало правительство за недопустимые уступки по принципиальным вопросам во время переговоров, выражало враждебное настроение в адрес западных государств, особенно Германии, которые отняли у России плоды ее победы, позволили и далее Турции владеть славянскими землями и святыней Византии – Константинополем. В России поднялась шумная антигерманская кампания, результатом которой стало политическое противостояние Германии и России. С этого момента военными ведомствами России и Германии начали разрабатываться тайные планы на случай войны.

Потеряв во время Франко-Прусской войны 1870—1871 годов Эльзас и Лотарингию, богатые углем и железной рудой, Франция готовилась взять реванш, но понимала, что в одиночку ей не одолеть объединенной Германии, которая стремительно развивала экономику и вооруженные силы.

В поисках политического союзника Франция обратила свои взоры на Россию, обиженную на Германию.

С 1887 года Россия стала регулярно получать крупные французские займы. К 1914 году экономическая зависимость России от Франции стала в значительной мере определять ее политику. На начало 1914 года внешний долг государства с учетом гарантированных обязательств частных компаний составлял 6,3 млрд рублей, большая часть которого приходилась на Францию.

В начале 20 века Германия вышла на второе место в мире после США по выпуску промышленной продукции. В борьбе за источники сырья и рыки сбыта продукции своей промышленности она наталкивалась на сильный конфликт интересов со стороны Англии и Франции, при этом Россия мешала ей развивать свое влияние на Балканах. Политики Германии осознавали, что мирным путем вряд ли смогут потеснить на мировой арене Англию, Францию и Россию, поэтому готовили страну к войне. Собираясь потеснить сильных противников, Германия стремительно наращивала вооруженные силы и активно строила морской флот, при этом подготовка Германии к войне велась не стихийно, а планомерно в соответствии со стратегией крупного военного теоретика Мольтке, возглавлявшего во время Франко-Прусской войны 1870—1871 годов генштаб Пруссии. По его стратегии, чтобы выиграть войну страна должна

превратиться в единый военный лагерь, в котором все должно быть нацелено на победу: и пропаганда, и транспорт, и промышленность и подготовка войск.

В своих трудах Мольтке писал, что в интересах ведения войны, прежде всего следует предупредить противника в проведении мобилизации и развертывании армии, внезапно начать военные действия, двигаясь к одному пункту с разных направлений («врозь идти, вместе драться»), охватить противника с флангов, активными маневрами добиться преимущества в силах и тем самым добиться победы в быстротечной войне.

После неудачной Русско-Японской кампании российская армия перестала пользоваться авторитетом у немцев, при этом сама Россия рассматривалась Германией как экономически слабое государство. Политики в Берлине не сомневались, что при определенной настойчивости у России можно будет отобрать Польшу, Украину и Прибалтику, а остальную часть превратить в колонию. Однако поглотить в одиночку огромное государство Германия не могла и выбрала себе Австро-Венгрию в качестве союзника, которая имела претензии на южные земли России.

Политики Германии были в курсе тайного военного союза России с Францией и Англией, но их не страшила перспектива войны на несколько фронтов, т.к. ни во что ни ставили и французскую армию. Военные стратеги Германии планировали мгновенным ударом разгромить Францию, прежде чем «неповоротливая» Россия смогла бы собрать крупные силы и приступить к серьезным военным действиям. Кроме того, военный союз с Австро-Венгрией давал Германии повод надеяться на быструю победу, и она собиралась вновь преподать урок Франции, чтобы та перестала думать о возвращении Эльзаса и Лотарингии.

Благодаря разведке, на пороге войны Германия имела достоверную информации о недостаточной готовности России к войне. После неудачной военной кампании с Японией Россия только начала должным образом укреплять свою армию. Начав военные реформы с изменения состава генеральского корпуса и усиления армии современным вооружением, она только к 1917 году планировала строительство флота равного германскому, при этом авиационная промышленность в России только зарождалась, поэтому политики в Германии искали выгодный предлог, чтобы нанести ей удар до того как она окрепнет в военном отношении и экономически.

Накануне войны, германская разведка, пользуясь покровительством царского семейства с немецкими корнями, действовала в России более агрессивно, чем разведки других стран. Эта задача облегчалась многовековым проникновением немцев в Россию. Еще во времена Ивана Грозного сведения о России собирали немецкие аптекари и лекари, услугами которых пользовался сам царь.

Немцы оказывали серьезное влияние на политику России. Благодаря немецкому влиянию Петр I стал прорубать окно в Европу. Значительную массу офицеров его армии составляли немцы во главе с Лефортом. Российская академия наук при Петре I на 99% также состояла из немцев, и германская разведка была в курсе всех военных начинаний России, проходящих обязательную экспертную оценку с научной стороны.

Наиболее бурное проникновение немцев в Россию началось при Екатерине II. Крупный математик Леонард Эйлер помогал ей осуществлять секретную зашифрованную связь с Прусским правительством.

Во время нашествия Наполеона на Россию закулисные отношения российских политиков с прусскими и австро – венгерскими военными помогли разгромить армию Наполеона. Немцы охотно сдавались в плен русским и, в отличие от поляков, неохотно шли против них в бой. Во время Бородинского сражения Наполеон испугался ввести в бой свою 10-тысячную французскую гвардию, опасаясь, что, лишившись надежных солдат, будет беззащитен в дальнейшем, если немецкие войска, входящие в его армию, перейдут на сторону русских.

Осуществляя свои далеко ведущие планы, в конце XIX и начале XX века Германия значительно расширила эмиграцию своих подданных в Россию, при этом расселение немцев

происходило согласно указаниям, исходящим от германского главного штаба. Лица, намечавшиеся к переселению, тщательно проверялись с точки зрения их политической благонадежности и преданности идеям германизма. Только после того как германская разведка убеждалась в том, что «колонист» готов к выполнению ее заданий, ему предоставлялась возможность выехать из Германии и оказывалась всяческая материальная поддержка.

Места поселения немцев также намечались исходя из стратегических соображений генерального штаба. Немецкая колонизация в России шла по четырем основным стратегическим путям: через прибалтийские губернии по направлению к Санкт-Петербургу; через Польшу, Волынь и Украину на Волгу и дальше по Сибирской железной дороге до Красноярска – центра хлебородного района; от Крыма на Кавказ, по направлению к железным дорогам, сооруженным немцами в Малой Азии, и дальше к Персидскому заливу; от Среднего и Нижнего Амура до реки Уссури на Тихоокеанском побережье, захватывая богатейший угольный, нефтяной, рудный и хлебородный район.

К началу Первой мировой войны в России насчитывалось свыше 2 млн. немцев. Следует также учесть, что накануне войны 16,5% генеральского корпуса Российской императорской армии также составляли немцы, многие из которых продолжали симпатизировать родине своих предков и поддерживали отношения с германскими и австро-венгерскими поданными.

В 1909 году германская и австрийская разведслужбы объединились и стали действовать согласованно и более эффективно, сумев охватить своей деятельностью самые верхи военного управления России.

Наиболее значительный успех выпал на долю Австро-Венгерской разведки. Ей удалось полностью контролировать фаворита Николая II генерала В. А. Сухомлинова, который 2 декабря 1908 года стал начальником генерального штаба, а в марте 1909 года занял пост военного министра.

60-летний генерал имел молодую любовницу, принимавшую подарки от резидента Австро-Венгерской разведки Альтшиллера. Дорогие подарки любовнице генерала от друга семьи дали тому возможность постоянно гостить в доме Сухомлинова и быть в курсе его служебных дел.

Своего агента в военном министерстве России имела и Германия. Им был полковник Мясоедов, который отвечал за организацию политического сыска и разведку. Выполняя свои шпионские задачи, он провел чистку военного министерства, избавляясь от преданных Родине профессионалов и рассаживая на их места агентов австрийско-германской разведки. Кроме того, Мясоедов во время работы в министерстве устанавливал фамилий русских агентов за рубежом и узнавал методы работы царской разведки России за границей, чтобы облегчить германскому и австрийскому правительствам их борьбу с заграничной агентурой России.

С помощью Сухомлинова и Мясоедова немцам удалось создать мощный шпионский центр в России, внедрив своих людей во все ее министерства.

Имея высокопоставленных лиц в царском правительстве, Германия и Австро-Венгрия систематически получали секретнейшие документы о готовности к войне России. Более того, подготовка царской России к войне, обеспечение русской армии боевым снаряжением, ее стратегические планы оказались под контролем вероятного противника. По директивам Сухомлинова была сознательно сокращена производительность казенных оружейных заводов в 4 раза, а артиллерийских – в 2 раза.

Как оказалось, на начальном этапе войны Германия имела в полтора раза больший запас артиллерийских снарядов, чем Россия. Уже через месяц боев в начале Первой мировой войны русская армия осталась без артиллерийских снарядов, и выполняла боевые задачи с большими людскими потерями.

Поводом к началу первой мировой войны послужили драматические события. Союзница Германии Австро-Венгрия после аннексии в 1908 году Боснии и Герцоговины, населенных

преимущественно сербами, готовилась к захвату самой Сербии. При поддержке России Сербия собиралась сохранить свою независимость и стремилась объединить всех сербов в одном государстве. На конец июня в Боснии, близ границы с Сербией, Австро-Венгрия решила устроить военные маневры. Дата маневров – 15 июня оказалась провокационной, т.к. этот день в Сербии являлся Днем национального траура: 15 июня 1389 года турецкие войска нанесли сокрушительное поражение объединенной сербо-боснийской армии, и балканские народы на века попали под турецкое иго. Маневры должны были послужить средством устрашения Сербии.

На открытие маневров прибыл наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. 28 июня 1914 г. в столице Сербии г. Сараево сербский студент Гаврило Принцип член организации «Черная рука» движения «Молодая Босния» убил наследника австрийского престола и его жену, ехавших в открытой машине.

В Австро-Венгрии началась военная истерия: начальник австро-венгерского Генерального штаба настаивал на немедленном объявлении войны Сербии. 23 июля Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, содержащий жесткие требования: введение на территорию Сербии ограниченного контингента австро-венгерских войск, допуск следователей из Вены для расследования убийства Франца-Фердинанда. Полностью выполнив требования ультиматума, Сербия фактически лишалась независимости.

На дипломатические ходы России, предлагавшей посредничество по мирному разрешению конфликта, Австро—Венгрия и Германия обвинили ее в том, что правительство страны не только знало о готовящемся покушении, но и подталкивало к нему Сербию. Германский император Вильгельм II настойчиво побуждал Австро-Венгрию захватить Сербию, обещая свою помощь в случае вмешательства в конфликт России.

После консультаций с Петербургом, Сербия согласилась допустить венских следователей к расследованию, но отвергла требование о введении австро-венгерского военного контингента.

В связи с надвигавшейся войной очередной выпуск офицеров Александровского военного училища состоялся 26 июля 1914 года, на месяц ранее обычного срока. Как окончивший военное училище первым по баллам, подпоручик Михаил Тухачевский имел право первым из выпускников выбирать полковые вакансии. Кроме того, его имя и фамилия были занесены на мраморную доску училища.

Как ранее и планировал, Тухачевский выбрал службу в Лейб-гвардии Семеновском полку, который в то время имел плохую славу. Именно лейб-гвардии Семеновский полк самым жестоким образом выполнил карательную функцию при подавлении декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 году. Жестокие действия солдат и офицеров лейб-гвардии Семеновского полка сыграли решающую роль в прекращении активной фазы революции в городе. Офицеры и солдаты полка возвратили себе репутацию самого преданного и монархически настроенного полка в императорской гвардии. Однако подавление московского восстания создало полку и его личному составу весьма сомнительную репутацию в глазах общественности. В некоторых аристократических салонах, даже отказывались принимать офицеров Семеновского полка, негласно упрекая их в выполнении «жандармских» и «палаческих» функций, что, как считали в обществе, позорило честь русского гвардейского офицера.

Несмотря на общественное мнение в связи с карательными функциями полка в 1905 году, у Тухачевского не было другого выбора, т.к. другие полки русской армии также в той или иной мере выполняли не очень гуманные приказы.

Михаил надеялся, что карательные функции полка останутся в прошлом, а его в связи с войной ждет героическое будущее.

Получив 300 рублей казенных денег на экипировку, Михаил отправился к портному. Пока шилась форма, он отбыл во Вражское – навестить семью.

1914 год был для семьи Тухачевских несчастлив. В этот год ещё до начала войны умерли сестра Надя, талантливая художница, выпускница Строгановского училища, и брат Игорь. Переживая утрату детей, тяжело болел отец семейства Николай Николаевич.

Читая газеты, Михаил удивлялся скоротечности происходящих событий, которые разворачивались с удивительной быстротой.

Австро-Венгрии так и не удалось заставить Сербию выполнить все условия ультиматума и 29 июля объявила ей войну. В тот же день австро-венгерские войска обстреляли Белград.

На границе с Россией Австро-Венгрия к этому времени успела развернуть 8 полностью отобюролизированных армейских корпусов (3 армии и 2 армейские группы, всего 850 тыс. чел., 1,7 тыс. орудий). В создавшейся обстановке русское правительство 30 июля начало частичную мобилизацию, относящуюся только к пограничным с Австро-Венгрией военным округам (Киевский, Одесский) и двум внутренним (Московский, Казанский), которые были связаны с первыми единым мобилизационным планом. Что же касается трех северных военных округов (Варшавский, Виленский, Петроградский), предназначенных действовать против Германии (в случае войны), то в них не был призван ни один резервист.

Тем не менее, на другой день, 31 июля, германское правительство потребовало от России прекратить отправку войск к русско-австрийской границе. Одновременно, как сообщил русский посол в Берлине, Кайзер Вильгельм II подписал декрет о мобилизации в германскую армию.

При поддержке Франции и Англии перспектива войны на европейском театре военных действий не пугала Россию, поэтому в тот же день, 31 июля царь Николай II подписал указ о всеобщей мобилизации. Используя это решение как предлог, Германия 1 августа объявила России войну, и уже 2 августа германская армия без боя захватила пограничный российский город Калиш.

2 августа Германия ввела войска в нейтральное государство Люксембург, после чего 3 августа объявила войну Франции, а также Бельгии, отвергшей ультиматум о пропуске германских войск через свою территорию.

Утром 4 августа 1914 года Германия вторглась в Бельгию.

На акт вероломства по отношению к нейтральной Бельгии моментально среагировала Великобритания, которая ждала повода приструнить Германию, начавшую конкурировать с ней на море. Великобритания потребовала от Германии сохранения нейтралитета для Бельгии, но, получив отказ, 5 августа объявила войну Германии, направив в Бельгию свои войска.

Малочисленная бельгийская армия существенно задержала германские части, позволив французам своевременно перебросить войска на границу с Бельгией до ее перехода немцами, и дав возможность высадиться английским десантам на побережье. Большой урон германской армии нанес гарнизон крепости Льежа, где погибло 25 тыс. немецких солдат до того как крепость не разрушили тяжелые осадные орудия.

Как и ожидалось: 6 августа Австро-Венгрия объявила войну России.

Франция с самого начала войны решила выполнить основную задачу по возвращению Эльзаса и Лотарингии. 7 августа французские войска вторглись в Эльзас, где в ходе Лотарингской операции им удалось захватить Саарбрюккен и взять с боя Мюльхаузен. Однако германская армия легко выбила французов из Эльзаса и Лотарингии, и стремительно атаковала войска французов и англичан, прикрывавшие север-западные районы Франции.

Побыв всего два дня с родными, Михаил вновь отправился в дорогу. Нужно было скорее прибыть в полк, в связи с объявленной мобилизацией. За опоздание могли причислить к дезертирам.

На вокзале в Пензе Михаила пришла провожать его девушка Маруся Игнатова, дочь машиниста поезда. Он сделал ей предложение и получил её согласие, но в связи с войной они отложили свадьбу.

– Береги себя, – прощаясь, просила Маруся.

– Не волнуйся, дорогая. Жди с победой к Рождеству. Война займет не более полугода. Кайзер – не Наполеон, чтобы с ним до нового года чикаться, – полагал безусый подпоручик...

Прибыв в полк, Тухачевский надел парадный мундир и отправился на доклад к командиру полка.

В то время Лейб-гвардии Семеновским полком командовал генерал-майор Карл Карлович фон Эттер, высокий грузный немец. Помощником у него был полковник фон Тимрот, тоже немец.

Допущенный в кабинет командира адъютантом, Тухачевский решительно и четко печатая шаг подошел к генерал-майору.

– Ваше превосходительство, поручик Тухачевский, представляюсь по случаю прибытия для прохождения службы.

– Очень рад! – выслушав бравый доклад, сказал командир, подавая Тухачевскому руку. – Выходит, Вы попали прямо с корабля на бал, – пошутил он. – На днях мы отправляемся на фронт. Что ж, посмотрим, как Вы танцуете? В какую же роту Вас определить? – задумался он.

Из 77 офицерских должностей действующего полка – 15 были пока вакантны. Часть штатных офицеров передавалась в резервный батальон полка, которому предстояло готовить солдат в тылу для отправляющегося на фронт полка, а также нести караульную службу по охране министерств и посольств, осуществлять охрану ценностей, которые отправлял Государственный Банк Российской империи, чем в мирное время в основном занимался Лейб-гвардии Семеновский полк.

– Ваше превосходительство, может, в седьмую, к капитану Брокку? – осторожно подсказал адъютант.

– Пожалуй, – согласился Эттер, – Поручик Тухачевский, я назначаю Вас младшим офицером 7 роты, командир роты капитан Брок.

– Есть! – отрапортовал Тухачевский, а про себя подумал: – Еще один немец – сколько же их в полку?

Словно читая мысли Михаила, проницательный Эттер сообщил:

– Кстати, командир второго батальона Ваш теска, участник Русско-Японской войны, полковник Михаил Сергеевич Вешняков, бывший александровец, окончил училище по первому разряду, как и Вы.

Заметив радость на лице Тухачевского, Эттер уже обращаясь к адъютанту добавил:

– Потрудитесь, чтобы подготовили приказ.

Подготовка к отправке на фронт семеновцев шла полным ходом. Тухачевский понимал, что поговорить по душам с командиром ему не удастся, поэтому произнес:

– Разрешите идти.

– Идите, готовьтесь, время в обрез.

Уже с 13 августа 1914 года на фронт отправлялись гвардейские артиллерийские части, 14 августа – л-гв. Преображенский полк, а 15 августа – л-гв. Семеновский полк.

Ранним утром 15 августа в 5 часов утра первый батальон Лейб-гвардии Семеновского полка покинул свои казармы и под звуки музыки молча проследовал к Варшавскому вокзалу для погрузки в первый эшелон. Из-за отсутствия подвижного состава только около 8 часов вечера на отдалённую платформу подали под погрузку эшелон для второго батальона, где младшим офицером 7-й роты уезжал на фронт подпоручик Тухачевский. Он являлся командиром 3-го взвода и одновременно командовал 2-й полуротой, в которую входили 3-й и 4-й взвода.

Из третьего взвода Тухачевский подобрал себе денщика, Ивана Глумакова, напоминавшего ему товарища детских лет Ваську Галкина из Вражского, такого же курносого и очень расторопного. Работа денщика оплачивалась из личных средств офицера – 3 рубля в месяц.

Погрузка длилась почти 9 часов, и проводы 2-го батальона затянулись. Всё это время на перроне стояло множество людей – родные и близкие семёновцев.

Наконец, оркестр с чувством заиграл полковой марш. Бесподобно звучали флейта и кларнеты, волторны и тромбоны, тарелки и барабаны. Трубачи неподражаемо выдували медь. Тихо и торжественно эшелон тронулся в путь.

Лейб-гвардейцы ехали на фронт в приподнятом настроении. Многие офицеры везли с собой новое обмундирование для торжественного входа в Берлин, считая, что война закончится не позднее Рождества.

Первые неудачи союзников вынудили правительства Франции и Англии требовать от России как можно быстрее начать боевые действия.

Союзнический долг и неприглядная перспектива воевать в дальнейшем в одиночку, если армии союзников будут разбиты, заставили Россию без должной подготовки одновременно наступать на Германию и Австро-Венгрию.

В ходе давнего раздела Польши между Австро-Венгрией, Пруссией и Россией, последней досталась ее центральная часть с польской столицей Варшавой, так называемый «Варшавский выступ». В грядущей военной кампании при планировании операций русской стороне следовало учесть данное географическое расположение. Российская варшавская группировка могла оказаться в мешке в случае одновременных ударов германских и австро-венгерских войск навстречу друг другу по спрямлению линии фронта. Вместе с тем, наступление русской армии на Берлин со стороны Варшавы также таило опасность, так как наступающие русские войска могли быть отрезаны от остальных сил при сходящихся ударах Германии и Австро-Венгрии.

В начале войны Россия развернула два действующих фронта и две отдельные действующие армии:

Северо-Западный фронт – против Германии;

Юго-Западный фронт – против Австро-Венгрии;

Отдельная армия №6 (Петроградская) – для охраны побережья Балтийского моря;

Отдельная армия №7 (Одесская) – для охраны побережья Черного моря.

По настоянию союзников, не дожидаясь конца мобилизации, 17 августа войска Северо-Западного фронта (1 и 2 армии) под командованием генерала Жилинского перешли границу, начав наступление на Восточную Пруссию. 1-я армия должна была наступать в обход Мазурских озер с севера, отрезая немцев от Кенигсберга (ныне Калининград). 2-й армии предстояло вести наступление в обход Мазурских озер с запада, не допуская отвода германских дивизий за Вислу. Общая идея операции заключалась в охвате немецкой группировки с обоих флангов и ее уничтожение.

Одновременно с Восточно-Прусской операцией Юго-Западный фронт под командованием генерала Иванова 18 августа начал наступление на Австро-Венгрию силами пяти армий на протяжённом (450—500 км) фронте в общем направлении на Львов. Русским войскам противостояли четыре австро-венгерские армии под командованием эрцгерцога Фридриха.

В это время на Западном фронте проходили крупные сражения союзников против Германии. К 21—25 августа к моменту соприкосновения с противником войска союзников оставались рассредоточены, поэтому французам и англичанам пришлось сражаться отдельными не связанными между собой группировками. Британский экспедиционный корпус располагался в Бельгии, у Монса; юго-восточнее, у Шарлеруа, располагалась 5-я французская армия. В Арденнах, на границе Франции с Бельгией и Люксембургом, размещались 3-я и 4-я французские армии. Все три группировки англо-французских войск в пограничных сражениях потерпели поражение, потеряв около 250 тысяч человек.

Тем временем германские армии стремительно шли вперёд. Разбив союзников на границе Бельгии, немцы с севера широким фронтом вторглись во Францию, нанося главный удар в обход Парижа с запада, беря французскую армию в гигантские клещи. Английские части отступали к побережью. Французское командование, уже не рассчитывая удержать Париж, готовило сдачу столицы и отвод всех войск за реку Сену, а правительство Франции готовилось бежать в Бордо...

19-го августа Лейб-гвардии Семеновский полк по железной дороге 4 эшелонами прибыл в крепость «Новогеоргиевск», недалеко от Варшавы, и встал лагерем у села Помехувек на берегу реки Вкры.

Простояв на биваке 20-ое августа, полк вечером, был направлен походным порядком к Варшаве в состав 9 армии оперативного резерва Верховного Главнокомандующего. Петровская бригада, состоявшая из лейб-гвардии Преображенского и лейб-гвардии Семёновского полков входила в состав 1-й гвардейской дивизии, которая, в свою очередь, входила во вновь сформированную 9-ю армию во главе с генералом Лечицким, хорошо зарекомендовавшим себя во время Русско-Японской войны.

Первый переход полка начался с суточного марша. По традиции на марше солдаты запевали полковую песню:

«Мы верно служили при русских царях,
Дрались со славой и честью в боях.
Страшатся враги наших старых знамен,
Нас знает Россия с Петровских времен...»

Пройдя 42 версты полк, измученный, к вечеру остановился на ночлег у села Бабице. На следующий день, 21-го августа, уставших на марше солдат полка удивило и сильно расстроило солнечное затмение. Солдаты роптали о дурном предзнаменовании для начавшейся военной компании.

Первоначально перед 9 армией стояла задача наступления от Варшавы через Познань на Берлин. В соответствии с этим планом Лейб-гвардии Семеновский полк должен был осуществлять прикрытие от внезапного нападения противника сосредоточение сил 9-й армии перед Варшавой.

Первые дни начала войны складывались успешно для русской армии. 20 августа 1914 г. 1-я армия генерала П.К. фон Ренненкампа под Гумбинненом была атакована 8-й немецкой армией генерала П. фон Притвица. Первоначально немцы добились ограниченных успехов на правом фланге, где заставили отступить части 28-й пехотной дивизии, пока им на помощь не подошла 29 пехотная дивизия. На левом фланге 30-я дивизия генерала Колянковского отразила наступление целого вражеского корпуса. В центре три дивизии под общим командованием генерала Н. А. Епанчина не только отбили атаки противника, но и на некоторых участках опрокинули его: XVII корпус Макензена потерял 8 000 солдат и 200 офицеров. Победа русских войск была обнадеживающей, и генерал Ренненкампа получил приказ из штаба Северо-Западного фронта идти на Кенигсберг, чтобы оттуда начать наступление на Берлин.

Поражение немецких войск в Восточной Пруссии – колыбели прусско-немецкой монархии – произвело ошеломляющее впечатление на германского кайзера. Он приказал срочно перебросить с французского участка на русский шесть корпусов, три из которых были взяты с самого ответственного участка, при этом наступление на Париж было приостановлено.

24 августа командование 9 германской армии возглавил призванный из запаса генерал П. Гинденбург, после чего события в Восточной Пруссии развивались самым трагическим образом для русских войск.

Ренненкампф и Самсонов наступали в разных направлениях. Депеши, идущие из штаба Северо-Западного фронта, не зашифровывались, и противник отлично был осведомлен обо всех передвижениях русских войск. В полном неведении русского командования немцы спешно сосредоточивали 13 своих дивизий против 2-й армии Самсонова.

Гинденбург постепенно брал 2-ю русскую армию в клещи и 30 августа в глухих лесах загнал ее в болота. Далее мощными ударами артиллерии немцы стали буквально уничтожать русские отборные гвардейские части. Потеряв связь с 1-й армией и со своими частями, дезориентированный относительно противника штабом Северо-Западного фронта, генерал Самсонов совершенно растерялся и не смог организовать управление армией. Тем временем немцы замкнули кольцо окружения вокруг 13-го и 15-го корпусов и 2-й пехотной дивизии 23-го корпуса. Всего было окружено около 30 тыс. человек, имевших 200 орудий в районе Комусинского леса. В ночь с 30 на 31 августа командующий армией вместе со своим штабом оказался под угрозой пленения. Осознавая трагичность сложившейся ситуации и не видя из нее достойного выхода, генерал Самсонов застрелился. Новый командующий 2-й армией генерал Ключев приказал всем сдаться в плен. Однако некоторые командиры не подчинились и смогли вывести из окружения 10 тыс. солдат...

В свою очередь, действовавшая против русских армий, 8-я германская армия имела задачу не допустить проникновения русских войск в Восточную Пруссию. Командующий 8-й германской армией генерал Притвиц 31 августа решил оставить на южной границе Восточной Пруссии около 3,5 дивизий для прикрытия ее со стороны 2-й русской армии, а главными силами (3 корпуса и одна кавалерийская дивизия) нанести удар по правому флангу 1-й русской армии Ренненкампфа. Таким образом, на Истенбургском направлении стороны вступили во встречное сражение. Ренненкампф не смог разбить противостоящие его армии германские войска и отдал приказ о приостановке наступления...

Во исполнение своей задачи полк семеновцев простоял в Бабицах 8 дней (с 21 по 29 августа). Стоянка в Бабицах дала возможность семеновцам сколотить роты и провести их спайку между кадровым составом полка и пополнившими его призывниками из запаса. По мобилизационному плану с началом войны Россия планировала пополнить свои армии на 3 915 тысяч человек за счет гражданского населения, к имеющимся 1 423 тысячам человек, находящимся в армии в мирное время. Все призывники за 45 дней после начала мобилизации должны были оказаться в войсках.

К радости командного состава на каждую роту приходилось по 20—30 унтер-офицеров из запаса, которых первоначально поставили на должности рядовых, что должно было существенно повысить дисциплину и боеспособность воинской части в целом. В то же время, в случае их гибели в начале войны новые части пришлось бы комплектовать неопытными младшими командирами. Следует отметить, что три четверти призывников были безграмотны.

На Юго-Западном фронте после неудачного наступления на Красник 26 августа 4-я русская армия под давлением превосходящих сил 1-ой Австро-венгерской армии генерала Данкля безостановочно отходила с боями к Люблину. Из-за трудного положения 4-й русской армии 9-ю армию было решено направить на ее поддержку со стороны западного берега Вислы.

Вместо наступления на Берлин, 29 августа генерал-майор Эттер получил неожиданный приказ об отправке лейб-гвардии Семеновского полка в район Люблина, чтобы ликвидировать прорыв неприятеля.

Вечером 29 августа Семеновский полк стал грузиться в Варшаве. Направляясь к вокзалу, семеновцы шли по улицам Варшавы бодро и молодцевато, весело гремела над польской столицей старая солдатская песня:

«Солдатушки, бравы ребятушки,
Кто же ваши деды?»

Наши деды – славные победы,
Вот кто наши деды!»

Вдоль улиц толпились горожане. Они провожали удалых лейб-гвардейцев приветливыми взглядами, при этом многие варшавянки бросали русским воинам цветы и весело подпевали.

Глядя на стройные ряды храбрых солдат, поляки искренне верили, что немцы не способны остановить такую мощь. Чётко и слаженно на варшавском вокзале прошла погрузка Петровской бригады.

Между тем, на станции семеновцы увидели прибывших в Варшаву раненых из состава 2-й армии генерала Самсонова. Раненые были совершенно деморализованы, сообщали о чудовищном поражении от германцев. Однако гвардейцы к их рассказам относились скептически. У страха глаза велики – считали они, и совершенно не верили, что русская непобедимая армия могла понести такое жестокое поражение.

Несмотря на крайнюю спешность переброски, из-за загруженности железной дороги полк семеновцев прибыл в Люблин только на третьи сутки утром 2-го сентября, и сосредоточился в 10-ти верстах к югу от города, в селе Жабья Воля.

В лагере полка с юга была слышна сильная артиллерийская канонада, и были видны зарева пожаров горевших деревень. Все это ясно указывало, что полку в самое ближайшее время предстоит боевое крещение.

2 сентября день выдался ясный и теплый, но общая обстановка, была тревожной. Кроме ощущения близости боя, в полку совершенно не были неизвестны происходящие вокруг события. Мало того, спешная переброска полка, не позволила снабдить полк картами нового района: на полк была выдана только одна двухверстная карта окрестностей Люблина.

В смутной и тревожной обстановке полк простоял первую половину дня. Около 3-х часов дня к командиру полка, генерал-майору фон Эттеру, прискакал посыльный, казак, с запиской от командира Гренадерского корпуса генерал-лейтенанта Мрозовского, требовавшего срочного выдвижения 1-й Гвардейской пехотной дивизии в район Хмель-Майдан Козицкий, так как австрийцам удалось обойти левый фланг 4-ой русской армии у Красностава, а отдельным австрийским эскадронам даже перерезать подходов к Люблину с востока (от Холма) железную дорогу у станции Травники.

Прибывшие на подкрепление 14 батальонов 1-й Гвардейской пехотной дивизии должны были атаковать австрийцев с целью отбросить их от Травников.

К началу контрудара, намеченному на 3 сентября, Лейб-гвардии Измайловский полк и три гвардейские батареи находились ещё в пути. Их появление ожидалось к вечеру 3 сентября. Однако штаб 4-й армии, находясь в панике от прорыва австрийских войск у станции Травники, торопил генерала Мрозовского побыстрее остановить продвижение противника. И тот решил действовать, не дожидаясь подхода измайловцев и недостающей гвардейской артиллерии. 2 сентября он отдал приказ, чтобы на рассвете следующего дня атаковать неприятеля, занявшего позицию к западу от деревень Седлиско Вельке, Суходолы и Воля Издиковская.

Перейдя реку Гелчев между деревнями Владиславов и Выгновице, семеновцы должны были наступать на высоту, расположенную севернее фольварка Анусин. Правее семеновцев, без артиллерии, уступом назад, располагался лейб-гвардии Преображенский полк с задачей двигаться через деревни Стрыйна и Владиславов и занять господствующие высоты.

Накануне боя в штабе 1-й гвардейской дивизии царил хмурая атмосфера. На офицеров сильно подействовало самоубийство командира Несвижского гренадерского полка полковника Герцыга, после грубости в отношении него генерала Мрозовского. На совещании тот обрушился с критикой на Герцыга, обвиняя его в неудачных действиях полка и угрожая отрешением «по несоответствию». При этом Мрозовский не стеснялся в выборе своих выражений,

и полковник Герцыг, чувствуя себя оскорбленным свыше всякой меры, вернувшись в полк, застрелился в своей палатке.

Офицеры гвардии роптали, что им предстоит наступать без поддержки артиллерии. Стоило подождать сутки, находясь в обороне, и ситуация на фронте коренным образом менялась в пользу русской армии. И тогда, собранные в кулак четыре полка 1-й гвардейской дивизии с артиллерией могли нанести сокрушительный контрудар. Но суетливый Мрозовский, не особо разбираясь в создавшейся оперативной обстановке, решил иначе. Не успевшую собраться гвардию, он решил бросить во встречный бой без должной поддержки артиллерии.

***** Первый бой семеновцев *****

В 7 часов утра 3 сентября 1-я гвардейская пехотная дивизия сосредоточилась в лесу к северу от деревни Стрыйна. К 8 часам, согласно установленной командованием диспозиции, полки развернулись фронтом на юго-восток по линии реки Гелчев.

Лейб-гвардии Преображенский полк разворачивался от деревни Хойны, где находился с двух часов ночи на привале. Общий вектор направления атаки преображенцев указывал на высоту, путь к которой лежал через деревни Стрыйна и Владиславов.

Левее преображенцев, от опушки леса у колонии Хойны через окопы 6-го гренадерского Таврического полка наступали семёновцы. Справа в первой линии шёл 2-й, а слева 4-й батальоны, во второй линии остались 1-й и 3-й. В деревне Жабья Воля для прикрытия обоза по приказу командира полка находилась 7-я рота. Двое суток 7-я рота и в её составе младший офицер Тухачевский охраняли обоз и не принимали непосредственное участие в боевых действиях полка.

Накануне было пасмурно и моросил дождь, а к восходу солнца тучи рассеялись. Со стороны неприятеля – тихо. Казалось, вся природа замерла в ожидании чего-то нового, необычного. Ни выстрел, ни крик не нарушали покоя дивного августовского утра.

Принимающим участие в атаке батальонам был придан пулемётный взвод. С ними установили телефонную связь. Отсутствие карт заставило командиров полков распорядиться снимать с убитых австрийских офицеров походные сумки, чтобы заполучить топографические карты.

Далеко впереди цепей кружили разъезды конной разведки и шли полковые разведчики. Переправившись через речку Гелчев и пройдя деревню Владиславов, первыми вступили в бой конные разведчики. Они напоролась на ружейный и пулемётный огонь вражеской пехоты. Это наступала 2-я австро-венгерская пехотная дивизия, левое крыло которой касалось деревни Ченстоборовицы. Австрийские цепи выходили из леса неподалёку от юго-восточной окраины Владиславова. Заговорила вражеская артиллерия.

Бой разгорался. То бегом, то шагом, цепи передовых батальонов устремились в ложину, на дне которой у речки Гелчев находилась деревня Стрыйна. Неустрашимо русские батальоны двигались к высотам, окружающих деревню Владиславов, занятые X австрийским корпусом. Грозно гремели вражеские пушки. Над головами наступающих рот густо рвались шрапнели, а гранаты поднимали столбы из комьев земли и едкого дыма. Появились первые раненые. Однако цепи не сбавляли темп наступления. Гвардейцы без остановок и перебежек в полный рост шли вперёд и бодро равнялись, словно на учении.

Под оглушительный треск и вой шрапнелей русские цепи вошли в деревню Стрыйна. От разрывов вражеских гранат вокруг польхали и рушились избы. По мосту батальоны перешли речку Гелчев и вошли в подожжённый вражеской артиллерией Владиславов, где оглушительно рвались гранаты и шрапнели, сжигая дома и калеча людей.

Не ожидая бешеного напора русских австрийцы отдали господствующие высоты.

Однако австрийцы хотели восстановить ситуацию и не прекращали артобстрел высот. Их пушки пристрелялись. Всё ниже над головами рвались шрапнели, всё точнее ложились гранаты, и негде было укрыться от вражеских пулемётов, что поливали русских смертоносным свинцом. Надо бы окопаться, но сапёрные лопатки солдаты побросали во время перебежек, посчитав их обузой. Теперь они крепко пожалели об этом, когда пришлось рыть землю руками и чем попало.

В начале десятого австрийцы возобновили атаки на высоты. Густые цепи вражеской пехоты вышли из леса и решительно двинулись вверх по склонам. Впереди цепей шли офи-

церы. Грозно блестели на солнце их обнажённые шашки. Безнаказанно гремели вражеские пушки, подавляя пулемёты гвардейцев.

Без четверти десять вражеские цепи залегли в каких-нибудь 70—50 шагах от позиций гвардейцев. Чтобы отбросить австрийцев один из офицеров поднялся в полный рост, чтобы поднять солдат в наступление, но тут же упал на землю, как подкошенный. Ружейная пуля угодила ему в левую ногу и раздробила кость. Пришедшие ему на помощь солдаты завязали ему ногу, подложив шашку с одной стороны, а с другой – кусок доски. Лёжа на носилках, он остался на поле боя и громко подбадривал солдат.

Роты таяли на глазах. Как только ударили пулемёты пулеметной роты, открыв свое местоположение, то их сразу нащупала вражеская артиллерия. Гроыхнули залпы австрийской пехоты. Вскоре все пулемёты умолкли. Рядом с ними лежала перебитая прислуга, а их командир роты жадно ловил ртом воздух, захлёбываясь кровью, – пуля тяжело пробила ему грудь навывлет, прострелив лёгкое.

Меткий ружейный огонь гвардейцев не давал вражеским цепям подняться для последнего броска. Но и австрийцы успели пристреляться.

Узнав об огромных потерях гвардейцев в первом сражении, генерал Мрозовский решил дать команду о выводе гвардии из боя, но командиры гвардейских полков не поддержали его решение, посчитав, что этот шаг подорвет боевой дух русских солдат, и продолжали сдерживать атаки австрийцев, которые тоже несли большие потери.

Вскоре, не зная до сего дня поражения части 2-й австро-венгерской дивизии явно выдыхались, но им на помощь поспешила 37-я гонведная дивизия V австро-венгерского корпуса. В два часа дня её части начали движение в обход правого фланга гвардейцев через фольварк Пассов и деревню Поличизна. Для отражения этого удара был задействован один из резервных батальонов гвардейцев, который вступил в бой, чтобы вовремя атаковать неприятеля и упредить его манёвр.

С тяжёлыми потерями гвардейцам удалось отбить контратаку.

В четвёртом часу дня австрийцы предприняли последнюю отчаянную попытку нащупать уязвимое место в позициях гвардейцев. Надеясь найти лазейку на их стыке с соседними частями, они наметили удар западнее деревни Поличизна. Но там их встретили части гренадерского корпуса, срочно стянутые за правый фланг Петровской бригады. Под гром орудий 1-й гренадерской дивизии австрийцы отошли вдоль обоих берегов речки Ольшанки. После провала последней контратаки они явно выдохлись и перешли на всём фронте 1-й гвардейской дивизии от активных действий к обороне.

Многочасовой встречный бой истощил силы гвардейцев. Артиллерия всё ещё не подошла. Утомлённые и обескровленные батальоны старейших гвардейских полков ожидали новых попыток неприятеля перехватить инициативу, но противник предпочел отвести свои войска.

Не собираясь терять инициативу, гвардейцы начали их преследовать.

В тот день наиболее успешно действовал лейб-гвардии Егерский полк, имеющий артиллерию.

В начале четвёртого часа на участке лейб-гвардии Егерского полка артподготовка завершилась, затем полтора часа длилось томительное ожидание разрешения продолжить наступление. Лишь в половине пятого командир полка генерал Буковский смог отдать приказ об атаке. Ровно в пять часов поднялся 1-й батальон. Чуть задержалось наступление соседних 2-го и 4-го батальонов, но вскоре и они пошли в атаку. Воодушевляя егерей, в цепях второго батальона шёл сам генерал Буковский. Три тысячи человек одновременно ринулись на врага. Впереди цепей с блестевшими в лучах закатного солнца клинками шашек шли офицеры. Низко над головами егерей летели снаряды гвардейских батарей, продолжавших обстрел вражеских позиций. По мере продвижения цепей гвардейцев вперед артиллеристы переносили огонь вглубь

леса, что отрабатывалось на учениях и теперь позволяло активно наступать без значительных потерь.

Большие потери от артподготовки и дружная атака егерей окончательно подорвали боевой дух австрийцев. Спротивления они не оказали. Одни сдавались в плен, другие бросались в лес, а некоторые в панике забирались на деревья. Их отступление быстро превратилось в беспорядочное бегство. А тем временем, не переставая, бухали орудия гвардейских батарей, переноса огонь всё дальше и дальше вперёд.

К исходу дня части 2-й гренадерской дивизии генерала Ставровича сковали боем в Гадзеницком лесу главные силы 24-й австро-венгерской пехотной дивизии. В то же время с юга за её левый фланг зашли части лейб-гвардии Егерского полка, а с севера и востока брали в кольцо батальоны 81-го Апшеронского полка.

В итоге боя в плен сдались около пяти тысяч австрийцев.

Потери лейб-гвардии Егерского полка за боевой день были минимальны среди частей, участвовавших в сражении: один раненый офицер, нижних чинов – 3 убито и 48 раненых, что наглядно показало, какое огромное значение для пехоты сыграла надлежащая поддержка шестнадцати орудий двух гвардейских батарей. В то же время не имевший артиллерии лейб-гвардии Преображенский полк потерял убитыми и ранеными почти четверть личного состава, около 800 человек, а лейб-гвардии Семёновский – около 600 человек.

Победа Петровской бригады над 2-й австро-венгерской дивизией имела решающее значение в успехе боя всего отряда генерала Мрозовского. Прорыв фронта на стыке V и X австрийских корпусов на правом фланге 1-й австрийской армии во многом определил итог всего встречного сражения. Успешные действия лейб-гвардии Егерского полка и 2-й гренадерской дивизии генерала Ставровича за левым флангом Петровской бригады также внесли значительный вклад в успех боевого дня. В результате общих усилий войск отряда генерала Мрозовского части X австро-венгерского корпуса отошли примерно на двенадцать километров на линию деревень Лопенник Русский – Издебно. К ночи с 3 на 4 сентября между Крщёновским лесом и деревней Издебно в австрийском фронте образовалась брешь величиной в восемь километров.

На рассвете 4 сентября весь отряд генерала Мрозовского перешёл в наступление в южном направлении. К этому времени подошли части лейб-гвардии Измайловского полка и три артиллерийские батареи.

Преображенцы располагались в центре фронта дивизии, имея соседом справа измайловцев, слева наступали семёновцы. Уступом за левым флангом дивизии находились егеря. До полудня гвардия наступала, не встречая заметного сопротивления. Лишь крупный разезд австрийских улан смог просочиться на стыке расположения полков Старой гвардии и был уничтожен частями 2-го батальона преображенцев. Австрийское командование спешно затягивало кавалерией разрыв между своими X и V корпусами, и после двенадцати часов боевые столкновения усилились.

Днем 4 сентября пришла добрая весть, что части 3-й армии генерала от инфантерии Рузского и 8-й армии генерала Брусилова заняли Львов. Сообщение это подняло дух лейб-гвардейцев и укрепило веру в успех общего дела.

4 сентября в бою у деревни Уршулин был ранен в руку командир 7-й роты капитан П. Н. Брок. Он передал командование ротой поручику Иванову-Дивову, как старшему в чине. Подпоручик Тухачевский стал командиром 1-го взвода и 1-й полуроты и заместителем командующего 7-й ротой.

5 сентября в два часа дня 1-я гвардейская дивизия вместе с другими частями отряда генерала Мрозовского продолжила наступление, темпы которого по причине усиления сопротивления неприятеля существенно снизились. Кроме того в середине дня зарядил дождь и подули резкие ветра, что также тормозило движение войск. Всё же к шести часам вечера преобра-

женцы вытеснили австрийский арьергард из Крщоновского леса и закрепились на его западной опушке в виду деревни Крщонов, где враг успел основательно окопаться.

К вечеру семёновцы с боем заняли юго-западную опушку Крщоновского леса, где и остались на ночлег. Штаб полка расположился в домике лесника, наметив штурм Крщонова утром следующего дня. До самого рассвета австрийцы не прекращали обстрел леса. То и дело в темноте раздавались щелчки ружейных пуль и взрывы артиллерийских снарядов.

Создавалось впечатление, что части 37-й гонведной дивизии собираются удерживать Крщоновский оборонительный рубеж. Но ситуацию изменила обстановка на фронте право-флангового X австрийского корпуса. Потерпев неудачу, он отступил за реку Пор, что вынудило австрийское командование на следующий день отвести и V корпус на линию Быхово – река Пор. Приказ об отходе в 37-ю гонведную дивизию передали рано утром, и австрийцы поспешно начали его выполнять, оставив в окопах усиленный арьергард. Не зная об отступлении неприятеля из Крщонова, штаб 1-й гвардейской дивизии приказал Старой гвардии лобовой атакой на рассвете овладеть укрепленным районом.

С восходом солнца 6 сентября сильный предутренний туман стал рассеиваться, и к восьми часам утра взору открылась картина вражеской позиции. На возвышенностях виднелись брустверы, ряды свежей выброшенной глины отмечали несколько линий окопов. Предстоящий бой виделся упорным. Погода тоже не баловала. По винтовкам струилась вода. Сапоги увязали в грязи. Промокшие до нитки, измазанные глиной, лейб-гвардейцы готовились к атаке.

Семёновцы повели наступление с юго-западной опушки Крщоновского леса на деревню Майдан Крщоновский. Перед полком остались только арьергарды 37-ой венгерской дивизии. По стройным цепям лейб-гвардейцев австрийцы открыли огонь из винтовок и пулемётов, однако активное наступление семеновцев быстро сломило сопротивление арьергардов венгров и к полудню полк, почти без потерь, занял Крщоновский Майдан, где гвардейцы провели вторую половину дня и заночевали. Соприкосновение с неприятелем было потеряно. Гвардейское командование и штаб генерала Мрозовского не посчитали нужным организовать преследование врага.

Благодаря остановке гвардии на линии Крщонов – Майдан – Крщоновский – Собесска – Воля, австрийцы совершенно спокойно отошли на новый оборонительный рубеж: верховье реки Пор – Быхово, и сейчас же приступили к его укреплению.

Это бездействие гвардии и гренадер группы генерала Мрозовского в течение 6 сентября дорого обошлось в дальнейшем. Не зная положения дел и отказавшись от преследования противника, ради сомнительного отдыха, пока русские отдыхали, австрийцы сумели хорошо подготовить новый рубеж обороны.

Из-за легкомысленного предположения о бегстве австрийцев, командование 4 армии попробовало 7 сентября наспех продолжать преследование австрийцев.

С утра 7 сентября полк семеновцев выступил в авангарде дивизии. Вперед была выслана разведка подпоручика Чуфаровского. Пройдя Борженчинек и дойдя до домов к Крщонову, авангард полка был внезапно обстрелян очень сильным артиллерийским огнем противника. Во время обстрела начальник разведки подпоручик Чуфаровский был убит.

После обстрела своего авангарда полк стал спешно развертываться, а 6-я батарея, приданная полку, заняла позицию для обстрела неприятеля. Наблюдательный пункт и штаб полка расположились на скирде соломы. Развернутые 1-й и 2-й батальоны перешли в наступление. Переваливая через гребень сопки в сторону Крщонова, русские цепи попали под жесточайший шрапнельный огонь австрийцев, при этом русская артиллерия, не зная расположение хорошо скрытой австрийской артиллерии, не могла её подавить, посылая снаряды наугад.

1-й и 2-й батальоны несли большие потери, и дальнейшее продвижение казалось невозможным. Русские цепи, резко выделяясь на гребне холма, служили отличными мишенями для австрийцев. Дальнейшее наступление в этих условиях грозило гибелью обоим батальонам,

и только находчивость и боевой опыт командира 6-й роты капитана Веселого, участника Русско-Японской войны, перед войной год отучившегося в Николаевской академии генерального штаба, спасли наступавшие батальоны. Взамен приема мирного времени – наступление широким цепями прямо перед собой, – он решился провести батальоны не цепями, а колонной, т.е. взвод за взводом в затылок друг другу по ложине к деревне Теклин. Маневр этот удался и батальоны, почти без потерь, вышли в район Косаржов Горный – Стуржа, где и заночевали.

Для объединения действий семи рот 1-го и 2-го батальонов командир полка назначил своего помощника полковника фон-Тимрота.

С утра 8 сентября наступление семеновцев продолжилось: 1-й и 2-й батальоны опять, также по укрытым уступам, были проведены младшим офицером 6-й роты подпоручиком Тигерстедтом к селу Уршулин почти без потерь. Батальоны заняли северо-западную часть села Уршулин и здесь залегли, так как дальнейшее продвижение, из-за града пуль, становилось совершенно невозможным: семеновцы оказались на дистанцию хорошего ружейного и пулеметного огня перед хорошо укрепленной позицией противника, взять которую, без тяжелой артиллерии, им было не по силам. Между тем, отставшая русская тяжелая артиллерия догнала свою пехоту только к концу дня.

9 сентября для содействия семеновцам в дополнение к 6-ой батарее была придана еще и 5-ая. Кроме того, огонь по неприятелю открыли гаубицы Гвардейского мортирного дивизиона.

Так как все попытки продвинуться вперед, главным образом из-за пулеметного огня противника, приводили к неудаче, было решено в ночь на 10 сентября выдвинуть на одну высоту с селом Уршулин полу-батарею капитана Ягелловича, которая должна была стать на полуоткрытую позицию.

Ночью были вырыты окопы для орудий и с рассветом они должны были открыть огонь. Роты 1-го батальона этой же ночью поднялись на бугор и окопались впереди полу-батареи.

Как только рассвело, полу-батарея капитана Ягелловича открыла огонь по окопам противника и местам расположения его пулеметов, на что австрийцы открыли ответный огонь.

Следом за выстрелом русской артиллерии следовал разрыв снаряда. Одновременно с артиллерией начали стрекотать русские пулеметы, приданные 2-му батальону.

Работа русской артиллерии совершила чудо – противник огрызнулся огнем все слабее и слабее, что обнадеживало семеновцев и поднимало их боевой дух. В этой благоприятной обстановке командир полка дал приказ начать наступление.

С криком «ура» семеновцы дружно поднялись и двинулись вперед несколькими цепями. Противник вел вялый встречный огонь. Вскоре, по мере приближения к окопам противника, гвардейцы увидели какие-то группы австрийцев, выскакивавших из окопов и махавших чем-то белым. Наступающие не сразу поняли в чем дело, но когда разобрали, что австрийцы сдаются, то с криком «ура» побежали ещё быстрее вперед. С некоторых участков еще продолжалась стрельба, но на это уже никто не обращал внимания.

Укрепленная позиция австрийцев была прорвана и сопротивление 1-й австрийской армии наконец сломлено. Полк, сбив австрийцев, бросился их преследовать через Старо-Весскую рощу. К сожалению, прохождение леса несколько задержало порыв и временами преследование удавалось активно вести лишь пулеметным огнем. Пробежав Старо-Весскую рощу полк занял Волю Голензовскую, где, собравшись в полном своем составе, остановился на ночевку.

Дни победы русских батальонов под Люблином совпали с не менее решающей победой союзников на Марне 9-го сентября 1914 года, когда французам удалось остановить стремительное наступление германских войск, без остановок шедших в обход Парижа с запада.

Полный разгром правого фланга 1-ой Австро-венгерской армии в боях 8—10 сентября на укрепленной позиции: Быхово – река Пор вынудила ее командующего генерала Данкля

в 4 часа пополудни, 10 сентября, приказать общий отход всей 1-ой армии к фронту Фрамполь – высоты южнее Красника-Свецехова на реке Висле, для прикрытия северных выходов из Таневских лесов.

Общий отход австрийцев начался в 3 часа утра 11 сентября, еще до рассвета и это позволило им значительно оторваться от русских войск и крайне затруднило их преследование.

Рано утром, 11 сентября, полк семеновцев двинулся походным порядком из Воли Голензовской через Закржувек – Майдан – Сулов на Карпиювку. В авангарде, вслед за конной разведкой, шел 3-й батальон. При подходе к Карпиювке он был обстрелян сильным артиллерийским огнем австрийцев и должен был развернуться. Вскоре в лесу развернулся и 2-й батальон, а следом и весь полк. Австрийцы вели сильный артиллерийский огонь по Красникскому лесу, причинив семеновцам довольно значительные потери. Гул снарядов в лесу усиливал впечатление мощи артиллерийского огня противника. Несомненно, наступательный порыв полка сдерживался еще и психологически, только что пережитыми днями наступления на укрепленную позицию противника без должной артиллерийской подготовки.

Семеновцам казалось, что они опять столкнулись с крепко окопавшимся противником, но в реальности это было не так. 11 сентября, австрийцы уже думали побыстрее укрыться за рекой Сан. Это их сопротивление было вызвано лишь необходимостью прикрытия своего отхода через труднопроходимую полосу Таневских лесов.

Утром 12 сентября, когда семеновцы готовили новую сильную атаку, обнаружилось, что австрийцы бросили обороняемые позиции у Таневских лесов и ещё ночью ушли. Полк бросился их преследовать через Полихну, но нагнать, быстро уходивших за реку Сан австрийцев, в этот день семеновцам не удалось. Полк заночевал в Войцехове.

Утром 13 сентября Петровская бригада продолжила преследование. В авангарде на этот раз находились Преображенцы.

После короткого боя, 4-й батальон преображенцев вошел в город Янов. Следом за преображенцами в Янов вступили и семеновцы. Весь город и все его окрестности были забиты оставленными австрийцами повозками обоза.

В Янов для награждения Георгиевскими крестами солдат гвардии прибыл Великий Князь Николай Михайлович.

13 сентября полк простоял в Янове без боя, но 14 сентября полк продолжил преследование австрийцев, вступив в полосу знаменитых Таневских лесов.

Первоначально, австрийцы предполагали активно обороняться по Сану. Однако генерал Данкль решил ограничиться лишь пассивной обороной реки, удерживая важнейшие укрепления у переправ.

***** Первая награда *****

4-ой русской армии было приказано захватить и обеспечить переправы на реке Сан у Кржешова, в 10 верстах вниз по течению Сана.

16-го сентября с утра полк семеновцев выступил из Гарасюков к Сану. Артиллерийский огонь австрийцев, занимавших и прикрывавший идущую по австрийскому берегу реки железную дорогу, Кржешовский тет-де-пон, заставил полк развернуться. На правом фланге наступал 1-й батальон, на крайнем левом, как бы охватывая Кржешовский тет-де-пон с его правого фланга, наступал 2-й батальон.

Наступление было трудным, так как приходилось брать в лоб заранее укрепленную позицию австрийцев, заблаговременно укрепивших и прочно занявших Кржешовский тет-де-пон. Между тем, русским была видна лихорадочная работа железной дороги, спешно увозившей эшелон за эшелон через мост. Захват Кржешовской переправы сразу прекратил бы эвакуацию австрийцев.

Взять в лоб Кржешовский тет-де-пон было семеновцам не по силам.

Командир 2-ого батальона полковник Вешняков принял решение обойти Кржешовский укрепленный район и атаковать его с юго-востока, прорываясь вдоль Сана к переправе.

Перед 7 ротой протекала река Сан, за ней виднелись высоты Кржешова. С правого фланга к городу подошел л-гв Преображенский полк.

Началась совместная атака. Тухачевский получил команду от командира роты Иванова-Дивова с первым взводом выдвинуться перед ротой и выслать дозоры к Кржешову и к Сану, и повел полуроту вперед перебежками повзводно.

Завидев австрийцев, 1 взвод Тухачевского рассыпался между домами и открыл огонь. Австрийцы не очень активно отстреливались и отходили к мосту. Но вскоре отступление австрийцев приняло панический характер – они боялись, что не успеют перейти через мост и попадут в плен.

Площадь перед мостом была заполнена отступающими австрийцами.

Группа австрийцев-пехотинцев торопилась к мосту, таща два пулемета. Их догоняли русские. Будучи обстреляны, они сдались, и взвод захватил оба пулемета.

Преследуя австрийцев, Тухачевский со своим взводом помчался по мосту через Сан и захватил его.

Вслед за Тухачевским по мосту устремилась 6 рота во главе с ее командующим капитаном Веселаго.

Ранее австрийцы заложили под мост взрывчатку, но не успели его взорвать. Когда 6 рота бежала по мосту бикфордов шнур прогорел и в одном месте моста раздался взрыв. Мост был взорван в средней его части. Настил моста провалился вниз, но перекладины его сдержали, и он повис над водой. Веселаго перерубил шашкой бикфордовы шнуры, тянувшиеся к привязанным пучкам соломы, срывая их руками, чтобы остановить пожар. Потушив пожар, он со всей ротой перебежал на ту сторону реки и открыл огонь по оказывающим сопротивление авангарду 7 роты австрийцам.

За захват двух пулеметов противника, согласно действовавшему в царской армии «георгиевскому статуту», Тухачевского полагалось наградить орденом Св. Георгия 4-й степени.

С согласия командира 2 батальона полковника Вешнякова Иванов-Дивов написал рапорт о представлении Тухачевского к Георгиевскому кресту, но штаб полка ограничился представлением его к ордену Владимира 4-й степени. Тухачевскому это казалось несправедливым, ведь Веселаго, с которым он захватил мост, получил за выполнение второстепенной задачи орден Св. Георгия 4-й степени. Кроме того, вместе в орденом Св. Георгия 4-й степени офицеру

давался годовой оклад денежного содержания, что было бы большим подспорьем для семьи Тухачевского и намечающейся свадьбы с Марусей.

Однако многие офицеры семеновского полка высоко оценили действия Тухачевского за его действия по захвату моста через реку Сан. С тех пор за ним в полку закрепилось прозвище «Наполеон», учитывая его родство с офицерами наполеоновской армии и проявленные им задатки полководца.

Успех семеновцев оценили и в дивизии, так как смелый маневр Тухачевского из 2-го батальона позволил захватить Кржешовский тет-де-пон и тем самым сломить фронт сопротивления австрийцев по Сану.

Полк к вечеру собрался в Кржешове. Здесь же впервые с начала Люблинских боев, он увидел своего начальника дивизии, генерал-лейтенанта Олохова, прибывшего поздравить солдат и офицеров с победой.

На следующий день, 17-го сентября, 1-ая австрийская армия оставила фронт по р. Сан и начала свой отход на подступы к Кракову, за реку Дунаец (в западной Галиции).

За 13 дней, из них 10 дней с боем, полк прошел от Люблина до Сана 170 верст, разбив противника сперва во встречных боях у Владиславова – Крцоновского леса, затем сбив его с укрепленной позиции под Уршулиным и, наконец, форсировал р. Сан по горящему мосту у Кржешова.

23 сентября семеновский полк в составе Петровской гвардии был вновь передан из 4-ой в 9-ую армию. В это время семеновцы занимали позиции неподалеку от Кракова, по правому берегу Вислы. Немцы укрепились на господствующем левом берегу и вели скрытый обстрел русских позиций.

Перед вторым батальоном посредине Вислы находился небольшой песчаный островок. Офицеры нередко говорили о том, что вот, дескать, не худо бы попасть на островок и оттуда высмотреть, как построена вражеская оборона, много ли сил у немцев, откуда бьют его орудия.

Михаил Тухачевский молча слушал такие разговоры, а в голове вынашивал дерзкий план разведки вражеских позиций. Вскоре он раздобыл маленькую рыбачью лодчонку, борта которой едва возвышались над водой, вечером лег в нее, оттолкнулся от берега и тихо поплыл. В полном одиночестве он провел на островке всю ночь, часть утра и благополучно вернулся, доставив те самые сведения, о которых так мечтали в полку.

С помощью сведений добытых Тухачевским гвардейская артиллерия ударила по батарее неприятеля у костела и уничтожила ее. За проявленную инициативу подпоручик Тухачевский получил свою вторую награду – Орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

22 октября полк семеновцев начал переброску в район Ивангорода с целью разгромить на Средней Висле 2 армии противника – 9-ю германскую генерала Гинденбурга и 1-ю австро-венгерскую.

Утром 23-го семеновцы продолжили движение к Ивангороду. Хотя переход был не больше 20 верст, но оказался очень тяжелым. Около полудня полк встал на большой привал у села Красные Глины. Стали раздавать обед, как вдруг, командир полка приказал прекратить прием пищи, вылить котелки, и незамедлительно продолжить поход на Ивангород. Как оказалось, у Ивангорода против надвигающихся двух венгерских дивизий стояло только две дружины русских ратников ополчения, и, промедли семеновцы, в крепости могли оказаться раньше них австрийцы.

После отхода немцев в ночь на 19-ое октября от фортов Варшавы, 21-го октября отошли от Ивангорода и австрийцы, поэтому русской Ставкой октября был отдан приказ об общем преследовании.

Между тем, австрийцы отошли от Ивангорода на реку Ильжанку только с целью перегруппировки 1-ой армии, чтобы впоследствии 7-ю дивизиями атаковать с охватом флангов у Ивангорода 9-ую армию русских.

Утром 23-го, австрийская армия генерала Данкля перешла в наступление и, оттеснив 75-ую дивизию русских от Чарного Ляса, двинулась своим правым флангом на Гневошов – Ивангород.

75-ая дивизия в беспорядке отошла на северо-запад, и путь к Ивангороду был открыт. По счастью для русских, правофланговый венгерский корпус, дойдя до гребня высот к Гневошову, остановился, решив продолжать наступление на следующий день.

24-го октября 9-я армия должна была, сдерживая Гвардией 1-ю австрийскую армию с фронта перед Ивангородом, XXV-м, а потом и XIV-м корпусами, переправлявшимися у Ново-Александрии, атаковать австрийцев в их правый фланг.

С рассветом полку семеновцев было приказано наступать через Гневошово-Границу для захвата высот у фольварка Градовице – Богушовка. Полк развернулся. Было ясное, осеннее утро.

В первой линии шли 3-й и 4-й батальоны. За ними 1-й и 2-й батальоны. Дойдя до Гневошова – Границы, полк семеновцев попал под жестокий артиллерийский огонь, а, пройдя Гневошово, 3-й и 4-й батальоны семеновцев попали под сильный ружейный и пулеметный огонь.

В сложившейся обстановке полку было приказано без предварительной артподготовки выбить противника с позиций, на которых он укрепился еще накануне. Несмотря на совершенно губительную задачу, полк ее выполнил и занял эти высоты.

К ночи батальоны первой линии залегли под сильным огнем противника. Выбить противника с его укрепленной позиции у фольварка Градовице не удалось. Вместе с тем своей атакой семеновцы сильно облегчили переправу XXV-го корпуса у Ново-Александрии.

Днем 3-й батальон потерял раненым подпоручика Лемтюжникова 1-го, но взять указанной ему деревни Градобице все же не смог. Только к вечеру, гаубичная батарея (гв. мортирного дивизиона) стала действительно оказывать огневую поддержку, но за 3 дня австрийцы уже укрепились и выбить их становилось все труднее.

К вечеру командир полка решил усилить батальоны 1-й линии и на левый фланг 3-го батальона был двинут 2-й батальон.

Штаб дивизии решил, что раз дневная двухдневная атака с поддержкой артиллерии не смогла выбить венгров, то полк должен их атаковать ночью, но уже без артиллерии. Бессмысленность этой новой жертвы была настолько очевидна, что командир полка генерал-майор фон Эттер по телефону категорически отказался вести полк «на убой».

Приказ из штаба дивизии не был отменен и 3-батальон семеновцев получил приказание ночью (на фоне пылающего фольварка Градобице, освещавшего своим заревом, весь путь 3-го батальона) атаковать венгров.

В 9 часов вечера 3-й батальон пошел в ночную атаку на фольварк Градобице.

Двухдневное лежание солдат в индивидуальных ячейках, в открытом, как выбритом поле, насквозь простреливаемом и днем и ночью ружейным огнем, успело отразиться на их психологическом состоянии – ни шуток, ни разговоров и только каждый старался как можно глубже уйти в землю. Всем казалось, что сейчас их поведут как скотину на убой. Опыт подсказывал, что начинать атаку цепью с неизвестного расстояния до противника, кроме того невидимого – нецелесообразно. Прежде необходимо было, ранее атаки, перебежками приблизить русские линии к неприятелю, окопаться там и уж потом что-либо предпринять.

Командир первого батальона Зыков вполне отдавал себе отчет в том, что ночная атака в данной обстановке является безумием. Он доложил свои соображения командиру полка генералу ф.-Эттер, тот в свою очередь умолял по телефону командира дивизии, отменить атаку, но генерал Олохов стоял на своем, ссылаясь в свою очередь на приказание свыше: ночная атака с занимаемых позиций в указанный приказом час.

Чтобы подготовить роту к атаке нужно было обойти каждого бойца, каждую ячейку. Ячейки были широко разбросаны и отстояли между собой на много шагов. От свиставших пуль люди глубоко зарылись в землю и офицерам приходилось подходить к самому краю ячейки, чтобы увидеть солдата. И вот, началось бесконечное обхождение ячеек и подготовка каждого бойца к предстоящей атаке. Говорилось приблизительно следующее: «в 9 часов вечера командир 10-ой роты капитан Андреев даст сигнал к атаке свистком. По этому свистку всем подыматься и без шума, без криков, беглым шагом двигаться на неприятеля. Подтянуть котелки, чтобы они не звенели. Винтовками не стучать. Всем держать направление на пожар (за неприятельской линией горел подожженный нашей артиллерией амбар). Если будут большие потери, смыкаться к офицерам».

В назначенный час, по свистку Андреева, роты поднялись и пошли в сторону неприятеля. Пожар освещал цепи как днем, так что ни о какой неожиданности штыкового удара, при этом освещении, и речи быть не могло. Не успели солдаты пройти и полсотни шагов, как со страшным свистом пронесся кругом них ураган пуль. Наступающие были обнаружены и по ним открыт сильнейший ружейный и пулеметный огонь. Русские цепи освещены заревом пожара, который в то же время слепит глаза, делает темноту ночи еще более черной, еще более злоеющей. А кругом царит настоящий фейерверк, синими огоньками рвутся бесчисленные австрийские пристрелочные пули.

Андреев падает вперед, на грудь, убитый наповал пулей в лоб. Следом за ним падают убитыми почти одновременно ещё два солдата его роты. Русские ряды редеют, люди один за другим валятся на землю. Офицеры кричат: «смыкайся ко мне», но кругом уже никого нет. Все поле, в пределах видимости, покрыто лежащими людьми, стоящих же, насколько видит глаз – никого нет. По звуку выстрелов русские чувствуют, что почти дошли до самой цели: до неприятельских линий остается каких-нибудь 200 шагов, но атаковать остатками рот бессмысленно.

Настало затишье. Темная ночь. Повторение атаки было немислимо. Оставшиеся в живых заночевали в своих ячейках.

Солдаты вполне выполнили в эту ночь свой долг, мужественно вышли из окопов и пошли почти на верную смерть. Когда, на следующий день, подсчитали потери III-го батальона, то убитыми и ранеными оказалось около 80% личного состава.

С рассветом 26-го октября огонь австрийцев вдруг совершенно прекратился, и разведка вскоре выяснила, что венгры – ушли. Полк бросился их преследовать через ф. Градовице на Зволю, но тем удалось оторваться. Преследование продолжилось и на следующий день 27-го октября.

Около полудня, по приказу командира Гвардейского корпуса, гвардия атаковала австрийцев.

Особо отличился первый батальон. Прорвав позицию австрийцев, I-ый батальон (командир полк. фон Сиверс – I) бросился их преследовать. Где бегом, где шагом, забирая отдельных солдат и целые группы в плен, семеновцы достигли наконец деревни Чарный Ляс. Деревня сильно обстреливалась русской артиллерией. Этот обстрел вынудил австрийские части покинуть её ещё до подхода семеновцев.

Когда I-ый батальон подошел к Чарному Лясу с одной стороны, с другой стороны, к нему стала подходить отступающая в походном порядке колонна австрийцев, очевидно не подозревавшая, что у них в тылу русские. Увидев колонну австрийцев семеновцы не растерялись, а с диким ревом «ура» кинулись с ружьями на перевес на встречу неприятелю. Австрийцы

были так ошеломлены, что вся колонна, без выстрела, побросала оружие и сдалась в плен. Как оказалось, семеновцами был захвачен целиком австрийский батальон в полном вооружении, с пулеметами, причем во главе со своим командиром и всеми его офицерами.

В боях 24—27 октября 1914 г. под Ивангородом в лейб-гвардии Семеновском полку было убито и ранено около 1000 солдат и унтер-офицеров, при этом полк потерял убитыми 5 офицеров (в том числе 3 командира роты) и тяжело ранеными 9 офицеров.

Временно командующий 7 ротой Анатолий Владимирович Иванов-Дивов 23.10.1914 был направлен на лечение по болезни в Петроград. Вместо него командующим 7 ротой был назначен, хорошо проявивший себя в боях, поручик Тухачевский.

За участие в боях 24—25 октября под Ивангородом Тухачевский был удостоен ордена Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

Лодзинская оборонительная операция 13 ноября – 20 декабря 1914 г. была проведена русскими войсками с целью отразить контрнаступление германских войск в Центральной Польше. Командование германского Восточного фронта, возглавляемое генералом П. Гинденбургом, в целях противодействия наступлению русских войск на левом берегу Вислы и недопущения их к границам Германии приняло решение нанести силами 9-й армии удар по правому флангу наступающих русских армий между реками Висла и Варта. 13 ноября 9-я германская армия генерала А. Макензена перешла в наступление из района юго-западнее Торна в стык между 1-й и 2-й русскими армиями.

С 16 октября по 30 ноября – семеновцы были брошены в бои под Краковом. За бой 3—5 ноября 1914 года под Посадом «Скала» подпоручик Тухачевский получает орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». 5-го ноября он был ранен в бою и отправлен в госпиталь в Москву. Там Михаил почувствовал, что дома что-то случилось и, не закончив лечение, на пару дней вырвался к семье, где узнал о скоропостижной смерти отца.

На совещании 27-го декабря, под председательством Верховного Главнокомандующего в Брест-Литовске, вследствие невыполнимости плана вторжения в Силезию, было решено отвести русские части на левом берегу р. Вислы, на более сокращенный фронт. 9-я армия юго-западного фронта отводилась за р. Ниду. Начало отхода было назначено на ночь с 29-го на 30-е декабря.

Это было первое отступление семеновцев с начала войны. До 29-го декабря полк знал только наступление и преследование. Если не удавалось сбить противника, полк переходил к обороне, но ни разу, с начала кампании, не уступал противнику ни пяди захваченной им земли. Однако уйти с насиженных позиций, на виду у австрийцев, было не так-то просто.

Отход начали в полной темноте, в ночь. На позиции были оставлены арьергарды, которые в свою очередь были сменены пешей разведкой, получившей задачу держаться на позициях у Суха Гурка до утра 30-го декабря. Тухачевский сам вызвался для участия прикрывать отход полка.

Морозы первой половины декабря сменились к концу месяца оттепелью. Дороги размякли и местами превратились в болото и вязкую глинистую грязь. Все это чрезвычайно затрудняло быстрый отрыв от австрийцев.

Особенные затруднения на марше вызывала артиллерия, которую пехоте все время приходилось вручную вытаскивать из засасывавшей ее грязи.

Несмотря на очень трудные условия отхода и первый опыт подобного маневра удался успешно. Разведка во главе с Тухачевским была на виду у австрийцев, и они спохватились слишком поздно, когда полк был уже от них далеко.

Люди шли днем и ночью. Три форсированных перехода подряд приводили к тому, что люди засыпали прямо на ходу. Особенно приходилось следить за тем, чтобы не было отставших, так как каждый из них неизбежно попадал бы в плен. Однако дисциплина в полку была высокой и отставших, несмотря на три изнурительных перехода, не было.

Наконец, 2 января, совершив четвертый форсированный переход (34 версты) полк подошел к гор. Кельцам и стал на ночлег в с. Сухове.

Через день семеновцы погрузились в эшелоны на ст. Кельцы и, следуя по жел. дороге через Радом и Ивангород, к вечеру 5 января прибыли на станцию Пилява, откуда походным порядком полк перешел в район городка Гарволина, заняв ряд окрестных селений (Чижово, Заводы, Сульбины).

За смелые и успешные действия по прикрытию отхода русских частей Тухачевский был также награжден орденом Анны 2-й степени «за боевые отличия, отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий», награду, которую обычно получали чины выше капитана.

Стоянка в Гарволине продолжалась примерно две недели (с 5-го по 19-е января). Близость Гарволина от Варшавы давала возможность поездок в Варшаву, и туда скоро стали съезжаться жены и родственники офицеров полка.

18-го января, в Гарволине состоялся смотр Петровской гвардии, Государем Императором.

Полк был выстроен на большом поле и, несмотря на сильно изношенное обмундирование и снаряжение, смотрелся достойно. По окончании смотра Николай II пожаловал орден Св. Георгия 4-й степени командиру полка генерал-майору фон-Эттеру.

На следующий день 19-го января Гвардия, оставаясь в резерве Верховного Главнокомандующего, была двинута через Варшаву в район, непосредственно примыкавший к Зависленскому фронту.

25-го января полк прибыл на новую стоянку в район пос. Гошин.

Здесь полку предстояло простоять почти месяц, до начала Ломжинской операции.

***** Последний бой *****

Днем 3 марта немцы атаковали окопы семеновцев в районе деревни Витнихово, примерно в 8 км к северу от Ломжи в направлении на Ковно, после мощной артподготовки, но захватить их не смогли. Вечером после упорного боя и тяжелых потерь полк еще глубже зарылся в землю, готовясь к новой атаке.

Ночью, перед рассветом, поднялся туман. Пользуясь плохой видимостью, батальон германцев, используя белые светомаскировочные халаты, обошел 6-ю и 7-ю роты семеновцев, позиции которых сильно выступали в сторону противника, и, подойдя к русским окопам почти вплотную, без выстрела, сначала забросали гранатами, а затем бросились в рукопашную атаку добивать оглушенного противника.

Всю ночь Тухачевский, будучи командующим 7 роты, ожидая атаки, проверял посты и под утро чрезмерно уставший крепко заснул в окопе.

Когда он проснулся от разрывов гранат, вскочил на ноги и увидел из окопа вокруг одних немцев, то вытащил пистолет и стал отстреливаться, однако вскоре неожиданно сзади получил удар прикладом по голове. Немцы подобрали его в бессознательном состоянии. Рота почти погибла, не оказав большого сопротивления. Вместе с Тухачевским в плену оказалось человек 30 солдат из его роты.

*** Плен ***

Попав в плен под Ломжей, Тухачевский был доставлен немецким конвоем в солдатский лагерь Бютов, где провел три дня, после чего был отправлен в Штральзунд в лагерь для офицеров Денгольм.

Через два месяца Тухачевский совершил первый побег. Он бежал с подпоручиком Пузино, переплыв пролив между Денгольмом и материком. Ночными переходами, добравшись до полуостров Дарсер-Орт, раздобыв для этого лодку, они думали переправиться по морю на датский полуостров Фальстер, до которого было 36 верст. Однако через 5 дней после побега беглецы случайно были пойманы на берегу охраной маяка.

За побег Тухачевский отсидел в тюрьме и под арестом пять дней, после чего через некоторое время был отправлен в крепость Кюстрин, в форт Цорндорф. Несмотря на заведенный немцами порядок военнопленным содержаться без погон, Тухачевский три недели оказывался снимать погоны, несмотря на требование коменданта лагеря.

За отказ снять погоны, в качестве наказания, он был переведен в солдатский лагерь Губен на солдатское довольствие, однако это не дало должного результата и Тухачевский продолжал носить погоны.

Через месяц с Тухачевского сняли погоны силой, и он был отправлен в лагерь для офицеров Бесков. В Бескове он был предан военному суду за высмеивание коменданта лагеря, за что был приговорен немецким судом к трем неделям ареста.

Из Бескова строптивного Тухачевского перевели в Галле, откуда через три месяца отправили в Бад-Штуер. Из Бад-Штуера 20 сентября 1916 года Тухачевский бежал во второй раз с прапорщиком Филипповым.

Ради свободы, беглецы спрятались в ящики с грязным бельем, которое отправляли в город для стирки. По дороге на станцию, в лесу, они вылезли из ящиков и, так как немецкий солдат, везший белье, не был вооружен, то даже не попытался задержать пленных, а сам очень испугался и молил о пощаде, чтобы его не убивали.

В течение 27 суток беглецы скрывались от погони, двигались только по ночам, однако на 28 день Тухачевский был пойман на мосту через реку Эмс у Зальцбергена охраной, а прапорщик Филиппов благополучно убежал и через три дня перешел голландскую границу и возвратился в Россию.

Поймавшим его солдатам Тухачевский объявил, что он русский солдат Михаил Дмитриев из лагеря Миндена, надеясь легко убежать из солдатского лагеря. Пока о пленнике наводили справки, его посадили вблизи расположенный лагерь Бекстен-Миструп. Проработав там вместе с солдатами пять дней, Тухачевский совершил третий побег со старшим унтер-офицером Аксеновым и ефрейтором Красином.

Через три ночных перехода, удачно переплыв реку Эмс и канал, идущий вдоль границы (оба препятствия охранялись), Тухачевский был пойман последней линией часовых к западу от Мепшена, при этом оба русских солдата оказались более удачливы и благополучно пробрались в Голландию.

Тухачевского настолько сильно переутомил побег, что он не решился возвращаться снова в солдатский лагерь, где условия содержания были хуже, чем в офицерском, потому, назвавшись своим настоящим именем, был направлен опять в лагерь Бад-Штуер. В наказание за побег ему пришлось провести несколько дней в тюрьме в Мепшене.

В Бад-Штуере он отсидел три недели под арестом и был отправлен в крепость Ингольштадт, в форт IX, лагерь для неоднократно бежавших офицеров.

IX форт стоял на правом, низком и заболоченном, берегу Дуная. Жарким летом кирпичные стены казематов покрывались испариной, осенью на сводах нередко появлялась пле-

сень, зимой в углах камер и на окнах поселялся иней. Форт был окружен рвом, который всегда наполнялся водой из—за болотистой почвы. За рвом имелось несколько полос ограждения из колючей проволоки. Окна приземистых казарм схвачены железными прутьями толщиной в 30 мм. Стальные двери. Часовых не меньше, чем пленных.

Прусское военное министерство небезосновательно считало, что побег из фортов Ингольштадта невозможен, потому сюда из других немецких лагерей направлялись самые отчаянные беглецы—рецидивисты. Через некоторое время выяснилось, что их концентрация превратила Ингольштадт в своего рода кружок по обмену опытом. Английские, французские, бельгийские, русские офицеры—беглецы совместно планировали очередные попытки освобождения. По вечерам в фортах сверяли карты, рисовали маршруты, искали наиболее безопасные способы движения, где могли бы не нарваться на патрули и законопослушное местное население, обязанное немедленно сообщить властям о подозрительных лицах.

Кроме того, офицеры обсуждали военные сводки, обменивались мнениями о ведении военных действий. Для Тухачевского это место оказалось своеобразной военной академией, где он изучал опыт военных представителей европейских стран. А опытных офицеров в стенах Ингольштадта хватало. Одним из военнопленных был капитан Де Голь, будущий Президент Франции. Благодаря широкому распространению в России английской и французской литературы, французы и англичане, несмотря на свою удаленность, были ближе Тухачевскому по духу, роднее его русскому сердцу, нежели немцы. В то же время немцы пользовались симпатиями и нравились, как серьезный, трудолюбивый народ. Ему нравилась музыка немецких композиторов Бетховена, Моцарта, но она казалась ему более строгой, чем итальянская, французская и родная русская.

Обдумывая очередной план побега, Тухачевский отдыхал тем, что мысленно реорганизовывал русскую армию, создавал другую, которая должна была поставить на колени Германию. Ему хотелось дать почувствовать всему миру мощь России. Он составлял планы боевых операций и вел армии в бой.

Форт имел большую библиотеку, в которую поступали новые журналы и газеты, правда, прошедшие немецкую военную цензуру. Немцы не препятствовали проникновению к пленникам запрещенной в России политической литературы, надеясь на заражение офицеров пацифистскими идеями социалистов.

Бытовые условия содержания офицеров резко отличались от условий содержания солдат. У каждого офицера была кровать с матрасом и подушкой, постельное белье и два одеяла. Стул и табуретка, вешалки для одежды, для размещения пищевых продуктов шкаф, тумбочка или комод, бак для мытья, сосуд для воды, полотенце, стол, ведро. Казематы форта IX имели площадь 12 x 6 метров. В каждом – по 7 офицеров, то есть на каждого приходилось по 10 м². Наряду с помещениями, где был только холодный душ, имелись комнаты с ванной с холодной и горячей водой.

На десять военнопленных офицеров выделялся один денщик из военнопленных солдат, которые убирались в казематах, стирали, чистили белье и обувь офицерам.

Тарелки, ножи, ложки и вилки приобретались офицерами за свой счет.

Питание было скудным и однообразным. Утром: кофе с молоком и сахаром; днем: ореховый суп, жаркое из свинины с салатом и картофелем и на вечер – какао с джемом.

Офицеры французы получали денежное довольствие и могли закупаться во время прогулок в городе. Кроме того, они получали обильные посылки, в том числе с вином, через Красный Крест и делились часто с русскими.

Русское правительство о своих пленных словно забыло и не перечисляло для них жалование.

Всего в Германии в плену находилось 1,5 млн. солдат и офицеров Российской Императорской армии, каждый седьмой оказывался в плену.

Тухачевский с большим воодушевлением встретил новость об отречении Николая II, и ожидал больших перемен от нового правительства.

В Петрограде во второй половине февраля из-за транспортных трудностей ухудшилось снабжение хлебом. Очереди в магазинах за хлебом непрерывно росли. Нехватка хлеба, спекуляции, рост цен вызывали недовольство рабочих. 18 февраля рабочие одного из цехов Путиловского завода потребовали надбавки к зарплате. Дирекция отказала, уволила рабочих, начавших забастовку, и объявила о закрытии некоторых цехов на неопределенное время. Но уволенные были поддержаны рабочими других предприятий.

23 февраля (8 марта по новому стилю) на предприятиях Петрограда проходили митинги и собрания, посвященные Международному женскому дню. Стихийно начались рабочие демонстрации под лозунгами «Хлеба!». Вечером появились лозунги «Долой войну!», «Долой самодержавие!». Это была уже политическая демонстрация, она и положила начало революции.

24 февраля демонстрации, митинги, стачки приняли еще больший характер. 25 февраля к рабочим стали присоединяться другие слои городского населения. Забастовка в Петрограде стала всеобщей. Николай II в это время находился в Ставке в Могилеве. Узнав о происходящем в столице, он потребовал от командующего Петроградским военным округом генерала С. С. Хабалова немедленно навести порядок в столице. 26 февраля в воскресенье в ряде районов полиция и войска стали стрелять в демонстрантов. Узнав об участии солдат в расстреле рабочих, среди запасных команд Волынского, Литовского, Павловского полков вспыхнул бунт. 27 февраля на сторону рабочих стали переходить солдаты Петроградского гарнизона. Рабочие, объединившись с солдатами, захватили арсенал, вокзалы, взяли приступом политическую тюрьму «Кресты», освободив заключенных. Все попытки генерала С. С. Хабалова навести порядок в столице ни к чему не приводили.

Тогда Николай II распорядился послать в Петроград Георгиевский батальон из Могилева и несколько полков с Северного, Западного и Юго-Западного фронтов. Во главе этого отряда царь поставил находившегося в резерве бывшего командующего Юго-Западным и Западным фронтами генерала Н. И. Иванова. Но отряд Н. И. Иванова был задержан под Гатчиной бастующими железнодорожниками и не смог пробиться к Петрограду. 28 февраля генерал С. С. Хабалов понял, что он полностью утратил контроль над ситуацией в столице. Последним защитникам старого строя он приказал разойтись. Министры правительства скрылись, а затем они были поодиночке арестованы. Николай II распустил IV Государственную думу. Но волей обстоятельств Дума оказалась в самом центре событий.

27 февраля в Петрограде по инициативе различных рабочих групп, социал-демократической фракции Государственной думы был создан орган власти – Совет рабочих депутатов (Петросовет). Помимо Петросовета в стране возникло свыше 600 Советов, которые избрали постоянно действующие органы – исполнительные комитеты. Преобладали в советах меньшевики и эсеры. В Петросовет вошли 12 человек: меньшевики, эсеры, лидеры профсоюзов и кооперативов. Так как большинство мест принадлежало меньшевикам, то возглавил его меньшевик Н. С. Чхеидзе.

Одновременно 27 февраля депутаты IV Государственной думы создали Временный комитет Государственной думы, в который вошли также 12 человек. Временный комитет должен был выполнять функции правительства. Председателем Временного комитета стал председатель IV Государственной думы М. В. Родзянко. Заседания Петросовета и Временного комитета проходили в одном здании – Таврическом дворце.

Так в России стала складываться своеобразная ситуация – двоевластие – одновременное существование двух органов власти – власти буржуазии в лице Временного комитета и власти революционной диктатуры пролетариата и крестьянства – Советы.

Между тем события развивались стремительно. Царю в Ставку была послана телеграмма, где сообщалось, что Петроград в руках черни и что Дума образовала Временный комитет, который берет на себя функции правительства. Царь в это время уже отправился из Ставки в Царское Село. Но царский поезд застрял в штабе Северного фронта во Пскове. В это время М. В. Родзянко в телеграммах стал склонять царя к «созданию правительства, ответственного перед Думой». В противном случае он предрекал гибель династии и монархии в России. После долгих колебаний Николай II согласился на создание ответственного перед Думой правительства. До сих пор правительство назначалось царем и было ответственно перед ним. Создание правительства, ответственного перед Думой, означало конец самодержавия в России и переход к конституционной форме правления. Со стороны царя это была серьезнейшая уступка.

Командующий Северным фронтом генерал Н. В. Ружский поспешил сообщить эту новость М. В. Родзянко, но узнал, что эта уступка царя уже устарела и рабочих Петрограда уже не устраивает просто создание ответственного перед Думой правительства. Рабочие требовали отречения Николая II от престола. Временный комитет решил спасти конституционную монархию в России. В руководстве Временного комитета возник новый план: отречение Николая II в пользу прямого наследника 13-летнего Алексея при регентстве брата царя Великого князя Михаила Александровича. И, не ожидая решения царя, в Псков выехали посланцы Думы А. И. Гучков и В. В. Шульгин.

До царя немедленно довели позицию лидеров Думы. В ответной телеграмме М. В. Родзянко Николай II написал: «Нет такой жертвы, которой я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки – России». Одновременно по распоряжению начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала М. В. Алексева всем командующим фронтами и флотами – командующему Кавказским фронтом Великому князю Николаю Николаевичу, Румынским фронтом – генералу В. В. Сахарову, Юго-Западным фронтом – генералу А. А. Брусилову, Западным фронтом – генералу А. Е. Эверту, командующему Балтийским флотом – адмиралу А. И. Непенину, командующему Черноморским флотом – адмиралу А. В. Колчаку – были посланы телеграммы с требованием выразить свое мнение относительно плана отречения Николая II от престола. В телеграммах содержались «подсказки», что от императора следует требовать отречения.

Для Николая II мнение генералитета было решающим. В обстановке всеобщего паралича и анархии у него оставалась последняя организованная сила – армия – 6,5 млн. человек, Верховным Главнокомандующим которой он был. Армия в общем еще не была тронута большевистской пропагандой, давала присягу на верность императору и Верховному Главнокомандующему и могла за него постоять.

Но русский генералитет не симпатизировал Николаю II. В 1916 году он не утвердил представление Георгиевской думы при Ставке Верховного Главнокомандующего о награждении генерала А. А. Брусилова высшим знаком отличия Российской империи орденом «Георгия 2-й степени», несмотря на явный успех операции «Брусиловский прорыв». Кроме того, Николай II странным образом не поддержал этот прорыв войсками других фронтов, хотя ранее планировался одновременный разгром не только армии Австро-Венгрии, но и Германии. Царя считали подкоблужником жены, которая по утверждениям Брусилова почти открыто шпионила в пользу Германии.

Через несколько часов пришли ответы от Великого князя Николая Николаевича (дяди царя), М. В. Алексева, А. А. Брусилова, А. Е. Эверта. «Во имя спасения родины и династии» они «умоляли» Николая II отречься от престола. Остальные командующие, в том числе и командующий Черноморским флотом адмирал А. В. Колчак, от выражения своего мнения воздержались.

2 марта 1917 г. в штабе командующего Северным фронтом генерала Н. В. Ружского Николай II ждал ответов. Наконец, ему передали ворох телеграфных лент с ответами командую-

щих. Когда царь ознакомился с содержанием телеграмм, наступила неловкая пауза. Николай II молчал всего несколько минут, потом вдруг сказал: «Я решил. Я отказываюсь от престола». Присутствующие ждали именно этого ответа. Тем не менее, все опешили: так просто и буднично император отказался от престола. Позже Николая II упрекали: «Отказался от престола, будто эскадрон сдал».

Вечером Николай II принял думскую депутацию в составе А. И. Гучкова и В. В. Шульгина и сообщил о том, что он переменяет свое решение и теперь отрекается от престола за себя и за больного сына Алексея в пользу брата Великого князя Михаила Александровича.

На следующий день 3 марта 1917 г. состоялась встреча членов думского комитета и Временного правительства с Великим князем Михаилом Александровичем. Под их давлением отрекся от престола и Михаил Александрович. При этом Великий князь рыдал.

Так в России буквально за несколько дней – с 23 февраля по 3 марта 1917 г. – рухнула одна из сильнейших монархий в мире.

После отречения Николай II был арестован комиссарами Петроградского Совета и вместе со своей семьей препровожден в Царское Село. Здесь они содержались под домашним арестом. По просьбе Николая II Временное правительство обратилось к британскому кабинету министров с просьбой дать убежище Романовым в Англии. Но английский король Георг V и кабинет министров ответили отказом.

Через какое-то время, видя слабость пришедшего на смену царю демократического Временного правительства, Тухачевский заинтересовался идеями большевиков. Тухачевскому импонировали те, кто был готов к решительным, хоть и жестоким действиям ради достижения высокой цели.

Постепенно он разглядел в марксизме идеологию способную захватить массы и объединить людей. Изучая работы марксистов, Тухачевский находил их передовыми.

Обсуждая положение дел в России, Тухачевский в споре с русскими военнопленными офицерами защищал «взбунтовавшуюся чернь», утверждая, что земля должна принадлежать тем, кто на ней работает.

Своему другу-сокамернику французскому офицеру Реми Руру, который в последствии опубликовал в 1928 году книгу о Тухачевском, доверительно говорил: «Если Ленин окажется способным избавить Россию от хлама старых предрассудков и поможет ей стать независимой, свободной и сильной державой, я пойду за ним... При помощи марксистских идей можно поднять, заразить весь мир!.. Революционная Россия, проповедница борьбы классов, распространит свои пределы далеко за пограничные линии, очерченные договорами. С красным знаменем, а не с крестом мы войдем в Византию!».

В Росси назревали крупные перемены, а Тухачевский бездействовал в плену, что его сильно тяготило. Он хотел активно участвовать в происходящих событиях, а не только следить за скухими вестями, достигающие пленников с большим опозданием.

Так как лагерь этот усиленно охранялся, и не было возможности убежать, то Тухачевский решил попасть в тюрьму, которая на его взгляд охранялась гораздо слабее. С этой целью на поверке он нарушил режим и не вышел из комнаты во время вечерней поверки.

Проводивший поверку немецкий унтер-офицер Ганс Абель не досчитался одного из пленников и стал его разыскивать.

Когда Абель проверял камеру номер 9, где должен был по его мнению находиться Тухачевский, то обнаружил, что кто-то лежит на койке.

Чтобы выполнить свои обязанности, он должен был убедиться в том, что на ней лежит именно тот офицер, которого он недосчитался на переключке. Абель осветил карманным электрическим фонариком одеяло койки и посветил в лицо офицера, лежащего на ней. Однако это рассердило Тухачевского, и он закричал на Абеля: «Вонючий хам, пошел вон! Сукин сын, вон!»

Абель давно привык к стычкам с пленными и спокойно переспросил: «Что вы сказали?!». Тухачевский снова не сдержался и закричал: «Вонючий хам, пошел вон! Сукин сын, вон!», после чего Абель записал оскорбительные выражения в свой адрес и вышел из помещения, чтобы доложить о поступке узника вышестоящему начальству.

За оскорбление унтер-офицера немедленной отправки в тюрьму не последовало. Дело Тухачевского должен был через некоторое время рассматривать немецкий военный суд.

Когда началась подготовка к побегу французского офицера Дежобера, Тухачевский принял самое деятельное участие в изготовлении для него немецкой формы, а потом при перепиливании оконной решетки устроил нечто вроде концерта самодеятельности, чем отвлек внимание часовых. Дежобер пролез в окно и, пользуясь темнотой, пристроился к сменявшемуся караулу. Ему удалось пройти вместе с караульными по мосту и добраться до железнодорожной станции. Вскоре узники форта получили весть о том, что Дежобер через Голландию пробрался к себе на родину. А еще через некоторое время узники узнали, что он сбил немецкий самолет.

Удача Дежобера окрылила Тухачевского, всеми силами стремившегося вырваться из плена. Однако удачный побег оказала влияние и на охрану форта. Часовые усилили бдительность. Появились дополнительные проволочные ограждения с колокольчиками. Через несколько дней при попытке к бегству был убит французский морской офицер капитан Божино. Но его смерть не остудила пыл Тухачевского, а придала ему большей решительности.

Желая ускорить процесс попадания в военный суд, а затем в тюрьму, Тухачевский решил нагрубить немецкому генералу Петеру – коменданту лагеря. Когда тот приехал в лагерь, то разговаривал с ним с непочтением, держа руки в карманах, при этом не исполнил его двукратного приказания вынуть руки из карманов, а на его замечание, что это мне будет дорого стоить, ехидно спросил: «Сколько марок?»

Однако и за это его тотчас не посадили в тюрьму, а шепетильные немцы опять стали готовить дело для рассмотрения военным судом.

Так как попасть в тюрьму оказалось не так уж просто с учетом немецкой педантичности, Тухачевский решил бежать во время прогулки в город.

Пленных офицеров из фортов Ингольштадта время от времени выводили на прогулку в город, при этом они давали честное слово, что во время прогулки не будут пытаться бежать. Нарушение обещания наказывалось очень строго – те, кто нарушал слово, приговаривались к смертной казни. Честное слово для дворянина значило многое, даже данное закланному врагу, поэтому Тухачевский придумал план побега, без нарушения кодекса чести.

16 августа 1917 года в половину седьмого вечера унтер—офицер Гофман вывел на прогулку девять русских офицеров, давших письменное обязательство словом чести не совершать побегов во время прогулок.

Однако два офицера во время прогулки помахали ему ручками и скрылись у него из виду. При немедленно поднятой тревоге было установлено, что исчезли русские офицеры капитан Чернивецкий и подпоручик Тухачевский.

Возмущению немецких офицеров не было предела. Даже чопорные пленные английские офицеры возмущались поведению русских, для которых слово чести оказалось пустым звуком. Однако, на следующий день через французского лейтенанта Лаба коменданту лагеря было передано письмо Тухачевского, следующего содержания:

«Милостивый государь!

Я очень сожалею, что мне пришлось замешать Вас в историю моего побега. Дело в том, что слова не убежать с прогулки – я не давал. Подпись моя на Ваших же глазах и в присутствии французского переводчика была подделана капитаном Чернивецким, т. е. попросту была им написана моя фамилия на листе, который Вы подали ему, а я написал фамилию капитана Чернивецкого на моем листе.

Таким образом, воспользовавшись Вашей небрежностью, мы все время ходили на прогулки, никогда не давая слова. Совершенно искренно сожалею о злоупотреблении Вашей ошибкой, но события в России не позволяют колебаться. Примите уверения в глубоком почтении.

Подпоручик Тухачевский.
10 августа 1917 г.»

Начало побега было очень неудачно. Сразу же в лесу беглецы наткнулись на жандарма, который их долго преследовал. Наконец, разделившись, они побежали в разные стороны. Жандарм стал преследовать Тухачевского, но через полчаса выбился из сил и отстал.

Через три дня Чернивецкий был пойман и возвращен в Ингольштадт.

Тухачевский продержался на свободе 9 дней, после чего был пойман жандармом. Он представился солдатом Михаилом Ивановым из лагеря Мюнстера, и был помещен в лагерь Лехфельд, где его содержали как солдата.

Через некоторое время он был отправлен в лагерь Пукхейм.

Там Тухачевский работал вместе с солдатами три недели и вскоре убежал с унтер-офицером Новиковым и солдатом Анушкевичем.

Шестеро суток скитались беглецы по лесам и полям, скрываясь от погони. На седьмые сутки они наткнулись на жандармов. Только выносливый и физически крепкий Тухачевский, собрав все свои силы в кулак, удрал от преследователей.

Через три ночи ходьбы 18 сентября, истощенный голодными скитаниями, но не потерявший присутствия духа, он наконец-то перешел швейцарскую границу у станции Таинген.

*** Возвращение ***

В Швейцарии Тухачевский обратился в русское посольство в Берне, где его несколько дней проверяли, а затем обеспечили отправку во Францию.

12 октября 1917 года подпоручик Тухачевский явился к русскому военному агенту во Франции генералу А. А. Игнатьеву. Тот с большим участием встретил русского офицера, сообщившего, что хочет как можно быстрее вернуться на Родину, чтобы вернуться в свой родной полк и продолжить сражаться с врагами отечества.

Игнатьев распорядился выдать Тухачевскому денег на дорогу в Лондон и написал письмо к военному агенту генералу Н. С. Ермолову в Англии, следующего содержания: «По просьбе бежавшего из германского плена гвардии Семеновского полка подпоручика Тухачевского мною было приказано выдать ему деньги в размере, необходимом для поездки до Лондона. Прошу также не отказать помочь ему в дальнейшем следовании».

После февральской буржуазной революции Ленинская партия РСДРП (б), насчитывающая 24 тыс. человек, стала активно расширять свои ряды. Люди с энтузиазмом вступали в партию, которая обещала навести в стране порядок, прекратить войну и раздать землю народу. Кроме того, в ходе демократических преобразований в стране снизилось преследование членов этой партии со стороны властей, и у ее членов появилась возможность широкой агитации масс.

К сентябрю 1917 года численность РСДРП (б) составила уже 350 тысяч человек. В сентябре произошли новые выборы в Петроградский совет, на которых представители РСДРП (б) получили большинство.

Подготовка к войне оставила Петроград к октябрю 1917 без должных запасов продовольствия. Цены на продукты в городе резко взлетели вверх.

В городе начались стихийные выступления трудящихся, назрела революционная ситуация.

10 октября 1917 года В. И. Ленин провел тайное заседание Центрального Комитета своей партии. На повестке дня был только один вопрос о возможности вооруженного восстания и захвата власти. По итогам голосования 10 человек из 12 проголосовали за вооруженный захват власти. Противниками этой идеи были только Зиновьев Г. Е. и Каменев Л. Б.

12 октября 1917 г. при Петроградском Совете был создан Военно-революционный комитет (ВРК), выполнявший роль штаба по подготовке восстания. В него помимо большевиков вошли представители левого крыла эсеровской партии. Фактическим руководителем ВРК стал Л. Д. Троцкий.

Из Англии Тухачевский направился в Норвегию, затем в Швецию, в Стокгольм и вскоре оказался на территории России.

Уже 16 октября Тухачевский оказался в Петрограде, где явился для продолжения службы в запасной батальон Семеновского полка. Как оказалось, запасной батальон уже не существовал. На основании приказа по Петроградскому военному округу от 09.05.1917 №262 запасной батальон развертывался в 3-х батальонный гвардии Семеновский резервный полк.

Как требовал устав, Тухачевский доложил рапортом командиру резервного полка лейб-гвардии Семеновского полка полковнику Р. В. Бржозовскому о возвращении из плена.

Как и Тухачевский, Бржозовский начал свою фронтную жизнь с августа 1914 года, будучи тогда в чине штабс-капитана. Он помнил Тухачевского как смелого фронтовика и к тому же однокашника: оба офицера, хотя и в разное время, были выпущены из Александровского военного училища.

В дореволюционные времена контрразведка была малочисленной и не такой свирепой как при Сталине. Тогда побег из плена и возвращение в свою часть на фронт считались подвигом. Для «бегунов» был даже учрежден особый знак отличия – шеврон из георгиевской ленты, нашивавшийся на рукав, на основании приказа, гласившего: «за мужество при прорыве из плена».

Бржозовский не считал нужным перепроверять рапорт офицера-семеновца. К тому же М. Н. Тухачевский сообщил, что хотел бы побыстрее вернуться в действующую армию, на фронт.

По резервному полку был издан приказ №336 от 16.10.1917, 11 параграф которого гласил: «Подпоручик Тухачевский-1, после пятикратных попыток бежать из германского плена, 18 сентября сего года перешел швейцарскую границу у станции Таинген».

16 октября 1917 года М. Н. Тухачевский прибыл в г. Петроград и зачислен в Семеновский резервный полк».

Кроме того, 18.10.1917 Бржозовский подписал документы на подпоручика М. Н. Тухачевского к производству того в «капитаны».

По настоянию М. Н. Тухачевского был подготовлен приказ об его отправке на фронт, к месту дислокации действующего Семеновского полка, где в то время находились два его родных брата.

Перед новой отправкой на фронт Тухачевский получил краткосрочный отпуск и отправился во Вржское, где провел с матерью и сестрами 3 дня.

В Петрограде большевики обладали численным преимуществом. В их составе были основные силы 150-тысячного Петроградского военного гарнизона, красногвардейские отряды численностью в 23 тыс. человек и 80 тыс. матросов Балтийского флота.

После захвата власти большевиками ее легитимность должен был подтвердить II съезд Советов, который открылся вечером 25 октября (7 ноября по новому стилю). По инициативе Ленина на съезде были приняты декреты о мире, о земле и о власти.

Декрет о власти провозглашал повсеместный переход власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Так как в Петрограде и Москве большинство в советах составляли большевики, то такой призыв давал возможность приходу к власти на местах большевиков.

Едва держась за власть в Петрограде и Москве и пытаясь взять контроль за всей территорией страны, большевики первым делом стали принимать меры по выводу страны из состояния войны.

К этому моменту общие потери русской армии составили 1,7 миллиона убитыми и умершими от ран, 4,95 миллиона калек, 2,5 миллиона человек находились в плену.

За время войны было мобилизовано в армию около 15 млн. человек – наиболее работоспособной части населения. На военные нужды было реквизировано 2,5 млн. лошадей. Война особенно тяжело отразилась на состоянии сельского хозяйства западных областей. Лишение деревни миллионов работников, лошадей, оккупация десятков западных губерний привели к сокращению посевных площадей на 12%, сбор хлеба упал на 20%.

19 ноября 1917 г. главнокомандующий русской армией генерал Н. Н. Духонин получил от большевистского правительства приказ немедленно предложить перемирие всем участвовавшим в мировой войне государствам. После отказа Духонина подчиниться приказу большевики объявили о его смещении. В Савку с особыми полномочиями был направлен Крыленко.

Большевистское правительство инициировало переговоры с Германией.

Двадцатого ноября начались переговоры в городе Брест-Литовске, где в тот момент располагалось командование германскими войсками на Восточном фронте.

Советской делегацией руководил Л. Б. Каменев, с германской – генерал М. Гофман. 22 ноября была достигнута договоренность приостановить военные действия. В переговорах был объявлен перерыв для уточнения позиций сторон перед подписанием перемирия.

Нота Советского правительства с предложениями мирного окончания войны была вручена послам стран Англии и Франции в Петрограде 22 ноября.

27 ноября 1917 г. Германия выразила согласие вступить в мирные переговоры.

В смутное в стране время Тухачевский постарался побыстрее вернуться в полк, где его полковые друзья помогли бы разобраться в происходящем.

По прибытии Тухачевского на фронт был издан полковой приказ №339 от 27 ноября 1917 г.: «...Во изменение параграфа 11 приказа по полку от 28 февраля 1915 года за №34, подпоручика Тухачевского 1-го считать не без вести пропавшим, а попавшим в плен к германцам в бою 19 февраля.

Параграф 12. Подпоручика Тухачевского-1, прибывшего из гвардии Семеновского резервного полка, полагать налицо с 20-го ноября.

Параграф 13. Подпоручик назначается временно командующим 9-й ротой».

В те дни полк занимал позиции в Галиции на реке Збруче, у Гржималува-Гржималув-Могила-Лука Мала. На этих же позициях 21-го ноября семеновцы, и в их числе собравшиеся вместе три брата Тухачевских, отметили свой последний полковой праздник, который отмечали под председательством командира полка полковника А. В. Попова. Тот был избран на эту должность в апреле 1917 г.

Второй тур Брестских переговоров начался 30 ноября. На этот раз советскую делегацию возглавлял А. А. Иоффе, ближайший сотрудник народного комиссара иностранных дел ВЦИКа Л. Д. Троцкого. Кроме него, в делегацию входили Л. Б. Каменев и другие лица, а также военные консультанты. Во главе германской делегации остался генерал М. Гофман.

Представление о присвоении Тухачевскому чина капитана должен был утвердить Верховный Главнокомандующий русской армии. Формальное утверждение представления в капитаны должно было состояться для Тухачевского в конце ноября или в начале декабря 1917 года. Однако Декретом I советского правительства от 16 декабря 1917 г. воинские звания, чины и титулы были упразднены. После «советизации» Ставки Верховного Главнокомандования и организации Революционного Полевого штаба при Ставке 27 ноября (10 декабря) 1917 г. производство в офицерские чины было прекращено, а сама система воинских чинов была упразднена. Декабрьским приказом по гвардии Семеновскому полку «во исполнение приказа Военно-революционного комитета при Ставке предписывалось утром 2-го декабря 1917 всем солдатам и офицерам снять погоны». Таким образом, Тухачевский остался без воинского звания капитан.

Второго декабря в Брест-Литовске было подписано перемирие между Россией и государствами Четверного союза на 28 дней – с 4 декабря по 1 января 1918 года. В течение этого срока предполагалось подписать мирный договор.

Переговоры о его заключении (то есть третий этап Брестских переговоров) начались 9 декабря. Параллельно 4 декабря 1917 г. делегаты трёх армий русского Западного фронта заключили соглашение о перемирии с представителями австро-венгерских частей Восточного фронта неприятеля – на срок с 6 по 17 декабря.

Так как из посольств Антанты в Петрограде не поступило ответа об участии в мирных переговорах, Советское правительство приняло решение 3 декабря 1917 г. пойти на переговоры с Германией о мире в одностороннем порядке.

5 декабря (22 ноября) 1917 г. германские и российские представители заключили перемирие в Брест-Литовске, после чего глава советской делегации Троцкий уехал для обсуждения условий будущего мирного договора в Петроград.

10 декабря л-гв. Семеновский полк оставил и уехал в Петроград командир полка полковник А. В. Попов, передав командование полком своему помощнику полковнику Н. К. Эссену, которого солдатский комитет 11 декабря избрал командиром полка. 12 декабря начались выборы батальонных командиров, а с 13-го – ротных. Тухачевский сохранил за собой должность командующего 9 ротой. К 16 декабря 1917 г. выборная кампания завершилась.

27 декабря 1917 г. был подписан приказ по военному ведомству №68 о расформировании фронтовых частей, в том числе л-гв. Семеновского полка, и переводе всех полковых офицеров в Петроград, в Резервный Гвардии Семеновский полк.

Основные части Семеновского полка погрузили в эшелоны и направили в Петроград.

С 27 декабря 1917 Тухачевский, с учетом необходимости восстановления после плена, был отправлен в отпуск и вновь отправился во Вражское.

Между тем, 15 декабря 1917 г. завершился первый этап переговоров между Германией и Советской Россией, в ходе которого было достигнуто временное соглашение о прекращении военных действий сроком на 28 дней, при этом, в случае разрыва, стороны обязывались предупредить противника за 7 дней. Также была достигнута договорённость и о том, что новые переброски войск на Западный фронт не будут допускаться.

22 декабря 1917 г. начались новые мирные переговоры между Германией и Советской Россией в Брест-Литовске. Советскую делегацию возглавил Л. Д. Троцкий. Ему была дана секретная ленинская директива не соглашаться на территориальные и финансовые уступки, и затягивать переговоры до начала мировой революции. В том, что эта революция вот-вот произойдет, никто из большевиков тогда не сомневался.

В то же время германская и австро-венгерская делегации сделали контрпредложение – Российскому государству было предложено «принять к сведению заявления, в которых, якобы, выражена воля народов, населяющих Польшу, Литву, Курляндию и части Эстляндии и Лифляндии, о их стремлении к полной государственной самостоятельности и к выделению из Российского государства и признать, что при настоящих условиях надлежит рассматривать как выражение народной воли».

27 декабря 1917 г. появилось официальное сообщение о создании антибольшевистской Добровольческой армии под началом генерала М. В. Алексеева, председателя Особого комитета. Главнокомандующим был объявлен генерал Л. Г. Корнилов, начальником штаба – генерал А. С. Лукомский, командиром 1-й дивизии – генерал А. И. Деникин.

Кроме делегации большевиков, в Бресте находились еще делегации от двух украинских республик – от Центральной Рады УНР и от «Украинской народной республики Советов».

В ноябре 1917 г. выборы в Учредительное собрание состоялись. В стране в связи с выборами царило приподнятое настроение. Эсеровская газета «Воля народа» писала: «Выборы в Учредительное собрание прошли с необычайным энтузиазмом. К урнам на руках приносили больных стариков, старух, слепых». Это были первые всеобщие, равные, тайные и прямые выборы в России. В них приняли участие 44 млн. 433 тыс. чел. Были сняты все ограничения по образованию, национальности, оседлости.

Победу на выборах одержала партия эсеров – более 40% голосов, на втором месте оказались большевики – более 23% голосов. Полностью провалились на выборах кадеты – 5%, меньшевики – менее 3%. Конфликт между Учредительным собранием и Советской властью был неизбежен.

5 января 1918 г. в Таврическом дворце состоялось открытие Учредительного собрания. Председателем был избран правый эсер В. М. Чернов. Уже в своей вступительной речи председатель бросил вызов большевикам, заявив, что «ни донские казаки», «ни сторонники самостийной Украины» с «Советской властью не примирятся». Далее представитель большевиков Я. М. Свердлов предложил утвердить внесенную большевиками «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая подтверждала первые законодательные акты

Советской власти, провозглашала отмену эксплуатации человека человеком и курс на построение социализма. Собрание решило отложить обсуждение Декларации. Большевики потребовали перерыва и ушли на совещание фракции. После перерыва представитель большевиков Ф. Ф. Раскольников зачитал резкую декларацию фракции большевиков, в которой правые эсеры назывались «врагами народа», которые «кормят народ посулами». В 2 часа ночи большевики и левые эсеры покинули заседание.

Около 4 часов утра начальник охраны Таврического дворца 22-летний матрос А. Железняков приказал присутствующим покинуть зал заседания под предлогом того, что «караул устал». Депутаты успели поставить на голосование подготовленные эсерами проекты законов о мире, земле и республике. Заседание длилось уже более 12 часов. Депутаты устали, решили сделать перерыв и возобновить работу в 17 часов того же дня.

Вечером депутаты пришли на очередное заседание, но двери Таврического дворца оказались закрытыми, у входа стоял вооруженный пулеметами караул.

На следующий день ВЦИК принял Декрет о роспуске Учредительного собрания.

Тем не менее, разгон большевиками законно избранного представительного органа обострил ситуацию в стране. Началась борьба за Учредительное собрание, продолжавшаяся весь 1918 г. Его депутаты переехали в Самару и создали Народную армию Учредительного собрания. Но постепенно они теряли опору в обществе.

Начало формирования однопартийной политической системы. Стремясь сохранить власть в своих руках и рассчитывая на помощь мировой революции, большевики не стремились сохранить союз с другими левыми политическими силами.

В январе 1918 г. состоялся III Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов. Он поддержал большевиков. Съезд утвердил «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», одобрил проект закона о социализации земли, провозгласил федеративный принцип государственного устройства Российской Советской Социалистической Республики (РСФСР) и поручил ВЦИК разработать основные положения Конституции страны.

9 февраля Четверной союз подписал в Бресте мирный договор с УНР, названный также «Хлебным миром». В обмен на продовольствие Германия и Австро-Венгрия уступали Украине некоторые земли южной Польши и Беларуси. Вечером того же дня по личному распоряжению немецкого императора Вильгельма II был предъявлен ультиматум советской стороне – принять мир на условиях центральных империй. При этом ряд оккупированных территорий (включая Прибалтику и часть Беларуси) переходили под контроль Германии.

10 февраля 1918 года Троцкий ответил на это отказом.

16 февраля Троцкий, признав провал своих переговоров с германской делегацией, подаёт в отставку с поста наркома по иностранным делам. Новым наркоминделом становится Г. В. Чичерин.

Ответ от центральных империй ожидался через неделю. Казалось, что немцы примут мир де-факто, но через пять дней генерал Гофман завил, что военные действия возобновляются с 18 февраля.

Троцкий же убеждал всех, что вот-вот в Германии полыхнет пожар революции, однако ситуация в Германии была пока стабильнее, чем он полагал.

18 февраля германская армия начала военную операцию «Фаустлаг». В ответ на активное наступление германских войск, русские части, оставшиеся на месте Западного фронта, стремительно откатывались назад. Немцы практически не встречая сопротивления наступали по всему фронту. На северном направлении в течение недели они заняли ряд городов: Ревель, Двинск, Минск и высадили десант в Финляндии.

Перед лицом неминуемого краха 21 февраля советское правительство послало телеграмму о принятии немецких условий, однако немцы продолжали наступление.

21 февраля Советское правительство издало декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности», а 26-го Совнарком принял решение о переносе столицы в Москву.

24 февраля 1918 года немцы, потеряв в боях за Псков около 300 военнослужащих, остановили дальнейшее продвижение к Петрограду.

1 марта немцы заняли Киев, Гомель, Чернигов и Могилёв, 4 марта Житомир. За 5 дней немецкие и австрийские войска продвинулись вглубь российской территории на 200—300 км. «Мне ещё не доводилось видеть такой нелепой войны, – писал немецкий генерал Гофман. – Мы вели её практически на поездах и автомобилях. Сажаешь на поезд горстку пехоты с пулеметами и одной пушкой и едешь до следующей станции. Берёшь вокзал, арестовываешь большевиков, сажаешь на поезд ещё солдат и едешь дальше».

Попытки большевиков организовать оборону Петрограда проваливались одна за другой. Если днём ранее большинство военных частей гарнизона приняли на митингах резолюции «стоять насмерть», то на деле 25 февраля, кроме латышских стрелков, никто на фронт так и не двинулся. Петроградский и Измайловский полки вышли из казарм, однако грузиться в эшелоны они отказались; несколько частей потребовали себе усиленного довольствия. Скромными оказались и результаты мобилизации петроградских рабочих в Красную армию – за 23—26 февраля их записалось всего 10 320 человек.

23 февраля большевики получили ответ со стороны германского правительства на телеграмму от 21 февраля, который содержал новые, ещё более тяжёлые условия мира. На принятие ультиматума из 10 пунктов Советскому правительству давалось 48 часов. Первые два пункта документа повторяли их старые требования от 9 февраля. Кроме того, предлагалось немедленно очистить Лифляндию и Эстляндию от русских войск и красногвардейцев. В обе области вводились немецкие полицейские силы. Россия обязывалась заключить мир с Украинской Центральной радой, вывести войска с Украины и из Финляндии, возвратить анатолийские провинции Турции, немедленно демобилизовать армию, включая и вновь образованные части, отвести свой флот в Чёрном и Балтийском морях и в Северном Ледовитом океане в российские порты и разоружить его.

23 февраля 1918 года прошло экстренное заседание ЦК РСДРП (б) по рассмотрению условий германского ультиматума. Все были возмущены требованиями германской стороны.

От России отторгалась территория площадью 1 млн км² (включая Украину), с населением 56 миллионов человек (треть населения Российской империи), на которой находились: 27% обрабатываемой сельскохозяйственной земли, 26% всей железнодорожной сети, 33% текстильной промышленности, где выплавлялось 73% железа и стали, добывалось 89% каменного угля и производилось 90% сахара; на этой территории располагались 918 текстильных фабрик, 574 пивоваренных завода, 133 табачных фабрики, 1685 винокуренных заводов, 244 химических предприятия, 615 целлюлозных фабрик, 1073 машиностроительных завода и проживало 40% промышленных рабочих.

В приложении к договору гарантировался особый экономический статус Германии в Советской России. Граждане и корпорации Центральных держав выводились из-под действия большевистских декретов о национализации, а лица, уже утратившие имущество, восстанавливались в правах.

Кроме того, Россия обязывалась передать Германии корабли и инфраструктуру Черноморского флота, выплатить контрибуцию в размере 6 млрд. марок, признать независимость Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии.

Однако Ленин не видел возможности остановить захват страны, и предложил одобрить решение о заключении мира на германских условиях, пригрозив в противном случае подать в отставку.

В 7 утра 4 марта царскосельская радиостанция передала в Берлин телеграмму Советского правительства о принятии немецких условий и готовности направить делегацию в Брест-Литовск.

Начавшееся в феврале 1918 года германо-австрийское наступление продолжалось, даже когда советская делегация прибыла в Брест-Литовск.

4 марта, уже после того как был подписан Брест-Литовский мирный договор, германские войска заняли Нарву и остановились только на р. Нарове и западном берегу Чудского озера в 170 км от Петрограда.

4 марта Совнарком принимает постановление об образовании Высшего военного совет и переезде правительства в Москву.

«Колыбель революции» пришлось покинуть не только из-за немцев. В Петрограде, как ни в одном другом городе была высокая вероятность возникновения контрреволюционного мятежа. В кипящем политическими страстями городе было легче прийти к власти, чем удержать ее. И действительно, спустя пару месяцев после Октябрьского переворота стало очевидно, что те, кто еще недавно отстаивал идеалы революции, уже успели в ней разочароваться. В столице начали стихийно возникать забастовки банковских работников, учителей, служащих почты, телеграфа, ряда учреждений и ведомств, массово забастовали промышленные предприятия. Даже петроградский пролетариат стал высказывать недовольство драконовыми мерами нового правительства. И было от чего: городу грозил голод. Так, из-за сокращения поставок продовольствия в Петроград хлебный паек уменьшился до 120 г в день. Градоначальник Михаил Калинин и председатель Петросовета Григорий Зиновьев в обстановке полного произвола и анархии оказались попросту бессильны. Особое беспокойство властям доставляли многочисленные солдаты-дезертиры, разного рода гражданские и военные беженцы. Но самой опасной категорией, пожалуй, были матросы, в открытую занимавшиеся разбоем и мародерством.

Петроград стал идеальным местом для иностранного шпионажа, разного рода политических провокаторов и заговорщиков. В один прекрасный момент этот гудящий и клокочущий город мог опрокинуть еще неокрепшую советскую власть.

Поздно ночью 10 марта члены Советского правительства с семьями сели в спецсостав №4001, державший курс на Москву.

Отъехав от Петрограда на 160 километров, литерный вынужден был остановиться. Дорогу ему перекрыл вооруженный отряд дезертиров, собравшихся завладеть поездом, совершенно не догадываясь о его пассажирах. Но как только бригада латышских стрелков выкатила пулеметы, дезертиры отказались от своих планов и сложили оружие.

Через сутки пути 11 марта около 9 часов вечера поезд №4001 остановился под сводами Николаевского вокзала Москвы.

После временного пребывания в гостинице «Националь» членов правительства с семьями разместили в Кремле, расставив по всему его периметру вооруженную охрану с пулеметами.

16 марта IV Всероссийский съезд советов принял постановление о временном переносе столицы в Москву.

Работа по созданию новой армии была возложена на Высший Военный Совет при Совете народных комиссаров во главе с военным руководителем М. Д. Бонч-Бруевичем и двумя политическими комиссарами, которым поручалось руководство всеми военными операциями и всеми военными учреждениями Советской Республики.

Бывший начальник генерального штаба Российской императорской армии генерал М. Д. Бонч-Бруевич привлек к работе новой армии офицеров российского генштаба. На первых порах эта работа шла под лозунгом защиты от германской интервенции и патриотически настроенный офицерский корпус активно поддержал инициативы заслуженного генерала, род-

ной брат которого состоял членом ВЦИК большевиков. По инициативе Бонч-Бруевича создавались так называемые «завесы» (заслоны) «из отдельных отрядов, удерживающих указанные каждому из них районы и действующих во взаимной связи» на наиболее вероятных направлениях наступления неприятеля.

Формирование участков «завесы» и входивших в них отрядов производилось на основании временных штатов, которые утверждались Высшим военным советом. На должности военных руководителей участков «завесы» и их начальников штабов, военных руководителей отрядов, их начальников штабов и т. д. назначались бывшие генералы и полковники, преимущественно офицеры Генерального штаба, для которых предусматривались специальные должности.

Предусматривалось, в частности, образование Северного, Северо-Западного, Западного и Южного участков отрядов «завесы» и двух оборонительных районов – Петроградского (объединенного в апреле 1918 г. с Северным участком) и Московского. В участки «завесы», во главе каждого из которых стоял военный совет в составе военного руководителя и двух комиссаров, входили все красноармейские, красногвардейские, партизанские и повстанческие отряды; в отрядах на участках «завесы» создавались штабы, состоявшие из оперативного и общего отделов.

Для контроля над новой армией большевики подбирали надежные кадры. Среди знакомых В. И. Ленина в Москве проживал Н. Н. Кулябко.

По протекции В. И. Ленина Н. Н. Кулябко был назначен военным комиссаром штаба обороны Москвы.

Демобилизованный из армии Михаил Тухачевский переехал во Вражское, но периодически в поисках применения своих сил приезжал в Москву, где останавливался в доме у старого знакомого семьи Н. Н. Кулябко.

К тому времени Тухачевский политически определился. Монархистом он никогда не был. Имея мать крестьянских кровей, он болезненно относился к показной спеси знатных вельмож, презирал их надуманную избранность и снобизм, необоснованные претензии на лидерство на основании общественного положения семьи, а не личных качеств. К либералам, типа Керенского, он относился с пренебрежением, не видя в них сильных духом, страстных людей. Утопические идеи большевиков о равенстве, братстве, всеобщем достатке и прогрессивном развитии общества, при наличии сильной власти импонировали ему.

Кулябко было приятно слышать со стороны бывшего семеновца-офицера восторженные отзывы о Владимире Ильиче Ленине и его политике сметания всего старого и отжившего.

Во Всероссийском бюро военных комиссаров требовались кадры для Западной завесы – группировки войск, призванной защитить центр России от возможного германского вторжения.

***** Выбор *****

Тухачевский, пройдя фронт и плен, здраво и вполне убедительно рассуждал на военные темы, показывал завидную эрудицию в военных вопросах, потому Кулябко предложил ему стать военкомом Московского района Западного участка завесы, который был создан 29 марта 1918 года.

Нового работника командировали сначала в Рязанскую, затем Тамбовскую и Воронежскую губернии, а также на Дон с инспекцией о ходе формирования отрядов Рабоче-крестьянской Красной армии. Возвращаясь, Михаил каждый раз предоставлял подробные отчеты, написанные по-военному добросовестно и аккуратно с полным знанием дела. Знакомящийся с его отчетами председатель военного совета ВЦИК А. Енукидзе посчитал, что тот сможет справиться с более сложной и ответственной работой военного комиссара.

Несмотря на то, что по деловым качествам Михаил Тухачевский как никто другой подходил для этой должности, однако для назначения на нее основным условием было членство кандидата в партии большевиков. Вместе с тем, взгляды Тухачевского, его восторженное отношение к Ленину говорили о его искреннем увлечении идеями марксизма, поэтому Кулябко решил рекомендовать Михаила в партию, и попросил Енукидзе дать вторую рекомендацию. В то время шел массовый прием в партию большевиков, и Амель Енукидзе охотно откликнулся на просьбу близкого Ильичу человека.

Как и ожидал Кулябко, Тухачевский встретил с воодушевлением его предложение о вступлении в партию большевиков. В глазах Михаила закаленные в ссылах люди, идущие наперекор власти за свои убеждения, за желание построить новое справедливое общество, где создавалась бы достойные условия жизни всем гражданам, а не только избранным сословиям, вызывали у него уважение, импонировали ему. Вместе с тем партийная дисциплина требовала от члена партии самоотдачи. Они должны были выполнять задания, которые могли идти вразрез с планами человека. Однако это делалось ради великой идеи построения справедливого общества, ради которой стоило пойти на требуемые жертвы и лишения. После недолгого размышления Тухачевский согласился.

В сопровождении Кулябко 4 апреля Михаил Тухачевский отправился в Октябрьский райком ВКП (б) Москвы, где подал заявление о вступлении в партию. Рекомендации Кулябко и Енукидзе оказались решающими в этом деле для бывшего офицера императорской гвардии.

Имея на руках партийный билет, М. Н. Тухачевский был назначен военкомом Московского района Западной завесы.

Начальником Московского района был назначен крупный военный специалист из генштаба генерал К. К. Байов.

Изначально в состав Западного участка завесы вошли Невельско-Великолукский, Витебский, Оршанский, Смоленский, Рославльский, Брянский, Невельский и Курский отряды красноармейцев численностью около 20 тысяч человек, которые в ближайшей перспективе собирались переформировать в полноценные дивизии кадрового состава. Штаб ЗУОЗ находился в Калуге.

В задачу штаба Западной завесы входила работа по организации взаимодействия и управлению отрядами, издание соответствующих приказов.

Каждодневная работа Михаила включала изучение оперативных донесений о расположении войск отряда и противника, организацию снабжения войск всеми видами довольствия, комплектовании частей личным составом, организации боевого охранения, инспекционные поездки в отряды для улучшения организации их работы.

Не один Тухачевский в то время сделал подобный выбор сознательно.

Так, в тот период, неожиданно, на вокзале Михаил встретил однокашника по Александровскому училищу Николая Куйбышева. Тот пригласил его к себе на съемную квартиру, где познакомил со своим старшим братом Валерианом.

Братья выросли в многодетной семье царского офицера, получившего серьёзные ранения в ходе Русско-японской войны, и с детства имели антимонархические взгляды, что сближало их с Михаилом.

Старший брат выбрал путь революционера-большевика и сейчас имел среди них значительный вес: в то время он представлял правительство большевиков в Самаре.

Пользуясь влиянием своего брата Валериана Куйбышева, Владимир получил высокую должность в правительстве большевиков в Москве, став руководителем военной инспекции, создаваемой Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Они обрисовали ему сложную картину в стране, но были уверены, что, несмотря на трудности, большевики пришли к власти надолго.

Выбор Куйбышевых укрепил веру у Михаила в том, что и он сделал верный выбор.

***** Борьба с белочехами *****

В середине мая 1918 года на повестке дня у советского правительства встал вопрос об усмирении Чехословацкого корпуса, который стал угрожать суверенитету страны.

Это интернациональное воинское соединение было сформировано в составе русской армии осенью 1917 года из пленных чехов и словаков, выразивших желание участвовать в войне против Германии и Австро-Венгрии.

Численность корпуса составляла 50 тыс. штыков. Его солдаты имели опыт участия в боевых действиях; подразделения прошли спайку, и в них поддерживалась строгая дисциплина. К марту 1918 года бывшая царская армия уже была окончательно расформирована, а Красная армия только формировалась, её боеспособность была низкой, поэтому на тот момент Чехословацкий корпус представлял серьезную силу.

По соглашению Франции с Советским правительством Чехословацкий корпус решено было переправить во Францию для его участия в войне на стороне Антанты.

Первоначально эвакуация корпуса планировалась через Архангельск и Мурманск, однако от такого пути отказались из-за страха перед германским подводным флотом. В результате переговоров 26 марта 1918 года в Пензе представители советского правительства (в частности, Сталин), Чехословацкого национального совета и Чехословацкого корпуса подписали соглашение о беспрепятственной отправке соединений корпуса от Пензы во Владивосток, а оттуда через Тихий океан во Францию. С этой целью, на восток формировалось 63 состава, по 40 вагонов каждый. В каждом эшелоне находилась вооруженная винтовками рота солдат с одним пулеметом.

Положение усугубилось давлением Германии, требовавшей от Советского правительства разоружения чехословаков.

К концу мая 1918 года соединения Чехословацкого корпуса растянулись от Пензы до Владивостока: в районах Пензы – Сызрани – Самары располагалась 8-тыс. группировка Чечека; в районе Челябинска – Миасса – 9 тыс. группа Войцеховского; Новониколаевска – ст. Тайга – 4,5 тыс. отряд Гайды; во Владивостоке – 14 тыс. группировка под началом Дитерихса. Кроме того, еще ряд их подразделений располагались в районе Петропавловска – Кургана – Омска.

В это же время, на запад навстречу им шли поезда с немецкими и венгерскими военнопленными из Восточной Сибири. Если Чехословацкий корпус перешел на содержание членов Антанты, то пленные немцы и венгры находились на содержании Советского правительства, поэтому железнодорожникам шли директивы от вышестоящих инстанций, чтобы последним дали «зеленый свет». Таким образом, эшелоны с пленными немцами и венграми пускали в первую очередь, а эшелоны с чехословаками загоняли в тупики, и они простаивали на запасных путях. Результатом такой политики железнодорожных перевозок, стали стычки между чехословаками, красногвардейцами и военнопленными из Германии и Австро-Венгрии.

В ходе одной из стычек в Челябинске чехословаки захватили городской арсенал: 2800 винтовок и артиллерийскую батарею. На подобный военный акт последовал приказ наркома Льва Троцкого от 25 мая, в соответствии с которым от советских властей требовалось разоружить чехословаков, следующих по железной дороге.

В ответ на приказ Троцкого, в Челябинске был проведён съезд делегатов всех частей Чехословацкого корпуса, на котором было принято решение: отказаться от сдачи оружия, обвинив Советское правительство в умышленном срыве железнодорожных перевозок, что окazyвало скрытую помощь врагам Антанты. Военный совет корпуса разослал по всем эшелонам и соединениям приказ: «Оружия нигде советам не сдавать, самим столкновений не вызывать, но в случае нападения защищаться; продвижение на восток продолжать собственным порядком».

Приказ Троцкого не был отменен и начались стычки между отрядами Красной гвардии, которые пытались разоружить чехословаков.

Широкомасштабные боевые действия начались 25 мая после нападения отрядов Красной гвардии на эшелоны чехословаков у станции Марьяновка. В ответ, 26 мая чехословаки подняли мятеж в Иркутске, а 27 мая – в Златоусте.

28 мая на линии Ртищево – Пенза – Сызрань активизировалась еще одна крупная группировка чехословацкого корпуса. Местные большевики разобрали железнодорожный путь и направили на эшелон паровоз-таран. Не принимая боя и оставив эшелоны, легионеры обошли Сызрань и пешим порядком направились в Пензу. Завязались бои за этот город, и Пенза оказалась во власти легионеров. После этого Пензенская и Челябинская группировки объединили свои усилия под единым командованием и начали наступление в западном направлении, стремясь выйти на Волгу.

5 июня 1918 года неподалеку от Самары легионеры разбили советские части и обеспечили себе возможность переправы через Волгу. С рассветом 8 июня они под прикрытием бронепоезда штурмовали мост у Самары через Волгу. Защитники моста – Уфимская дружина Гая, потеряв 90 процентов своего состава, не выдержала атаки и отошла. Чехословаки, встреченные и сопровождаемые эсерами, быстро заняли вокзал и административные учреждения города.

8 июня в Самаре было организовано первое антибольшевистское правительство – Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). Под знаменем этой организации началось формирование белогвардейских частей, которые стали действовать единым фронтом с чехословаками.

Из-за нерешительных действий советского командования в Поволжье отряды большевиков не смогли усмирить чехословаков, и те стали занимать города, лежащие на пути следования эшелонов: Петропавловск, Курган, Омск. Другие части вошли в Новониколаевск, Мариинск, Нижнеудинск и Канск. В начале июня 1918 года легионеры заняли Томск. Повсеместно при военной поддержке чехословаков советские органы власти разгонялись или арестовывались, а на их месте по всей территории России формировались антибольшевистские правительства.

В первый же день Комуч приступил к формированию собственной армии, получившей название «Народная армия». 9 июня 1918 года в Самаре была сформирована 1-я добровольческая Самарская дружина численностью 350 человек (сводный пехотный батальон капитана Бузкова (2 роты по 90 штыков), эскадрон конницы (45 сабель) штабс-ротмистра Стафиевского, Волжская конная батарея капитана Вырыпаева (при 2 орудиях и 150 человек прислуги), конная разведка, подрывная команда и хозяйственная часть). Командовать дружиной вызвался бывший подполковник царской армии, окончивший академию Генерального штаба и имеющий боевой опыт Первой мировой войны в разведподразделении В. О. Капель.

Наиболее сильная и опасная для большевиков группировка белочехов оказалась на линии Сердобск-Пенза-Сызрань (общая численность около 8 тыс. бойцов), отрезающая большевистское правительство Центральной части России от её Восточной части.

13 июня 1918 года по настоянию заместителя председателя ВЧК левого эсера Александровича командующим войсками Восточного фронта был назначен член партии эсеров М. А. Муравьев, который несколько лет служил преподавателем в Казанском военном училище, был участником Русско-Японской и Первой мировой войн.

Прибыв на фронт, тот нашел положение дел неудовлетворительным и начал все перестраивать на свой лад. Прежде всего, для улучшения качества управления всеми силами Муравьев переместил штаб фронта в Казань. 20 июня 1918 года все действующие на громадной территории советские войска были сведены им в четыре армии. Он быстро сменил многих командиров и окружил себя верными людьми, готовыми выполнять только его приказы. Характер этих приказов нередко был очень щепетилен и выходил за рамки военно-служебной деятельности.

Значимость Восточного фронта в Москве хорошо понимали. Подбором партийных и военных кадров занимался непосредственно В. И. Ленин, поэтому назначение на столь ответственный пост эсера М. А. Муравьева, ставленника Б. Савенкова, было скорее актом отчаяния, чем осмысленным решением вождя пролетариата, и он потребовал от своего ближайшего окружения подобрать в помощь эсеру опытных военных специалистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.